Закон притяжения

Автор:

[Рокси Купер](#)

Закон притяжения

Рокси Купер

Аманда – обычная девушка из провинции. Но ей повезло устроиться на престижную стажировку. К несчастью, туда же попадает Мартин Грегг, надменный выскочка, с которым Аманда училась в юридической школе. С первого же дня они начинают бороться за место под солнцем. Аманда – хороший специалист, зато Мартин играючи очаровывает людей и вдобавок шантажирует Аманду ее же секретами, которые ему удалось раскопать.

А еще Аманда влюблена. Но и здесь проблема. Сид – потрясающий, но вот его бывшая, Кларинда, – гроза любого, кто к нему приблизится. А уж если она споется с Мартином...

Аманде срочно нужна действенная стратегия выживания! К такому ее юридическая школа не готовила.

Рокси Купер

Закон притяжения

Пролог

12.03

Суббота, 1 ноября 2008 г.

Говорят, любовь и ненависть – две стороны одной медали. Можно ненавидеть того, кого любишь, и любить того, кого ненавидишь, – и все такое.

Ох, ну не знаю, эмоции – штука сложная.

И все-таки через миг я жалею о содеянном.

Кажется, я минуты три задерживала дыхание, и в то же время оно будто гонку с пульсом устроило – кто быстрее. А на финишной черте меня, судя по всему, ждет самовозгорание от стыда. Мой поступок вызывает чувство вины и ужаса.

Пятнадцатилетней девчонке не стоит такое делать.

В самый разгар субботы большинство моих ровесниц бродят по городу, хихикают при виде мальчиков, которые им нравятся, примеряют вызывающие наряды и пробуют яркий макияж. Правда, я никогда не относилась к большинству, потому и оказалась сегодня здесь...

Собралась уже целая толпа, всем интересно узнать, из-за чего такая суматоха. Я яростно дергаю тонкую черную резинку для волос, которую постоянно ношу на запястье. Всегда делаю так, когда нервничаю.

К месту подъехали три полицейские машины, прямо как в кино, с визгом покрышек. Странно – никаких сирен, лишь гипнотизирующее море ярко-синих огоньков, мигающих под усиленные рациями команды и злобные, отчаянные крики.

Затем все немного успокоилось.

Я не могу пошевелиться.

Что же я наделала?

Я ждала, что почувствую легкость, свободу. И отмщение – блюдо, которое, как говорят, нужно подавать холодным.

Однако я онемела, полностью поглощенная гигантским масштабом ситуации.

Вот оно. Диким, непреодолимым потоком меня накрыло чувство вины. Настоящее цунами из стыда и подлинной никчемности понесло мое тело вперед, чтобы разбить о скалы ненависти к самой себе.

Хуже всего то, что мне следовало бы по-прежнему ненавидеть его, но я не могу. Ощущать удовлетворение от мести, но ничего такого не ощущаю.

Как я и сказала, с эмоциями все сложно.

Черт возьми, Аманда Слейдер... что ты натворила?

Глава 1

– Все эти ваши стипендии, мисс Бентли, оно, конечно, прекрасно, хотя их всегда ведь дают людям вроде вас?

Не ожидала, что беседа начнется с такого вопроса.

Я думала, спросят: «Почему вы хотите стать барристером?» или «Чем вас привлекает работа в нашей адвокатской конторе?», но только не это.

Я не знаю, как реагировать, и поэтому молчу. Будь я нормальным человеком, щелкнула бы их по мочкам ушей за подобную грубость, однако так поступать нельзя по двум причинам. Во-первых, я лишусь какого бы то ни было шанса получить стажировку в качестве младшего барристера. Во-вторых, все знают,

что на таких беседах иногда присутствует «плохой полицейский» – видимо, как раз он мне и достался. Надо действовать осторожно и не закатывать истерики подобно озлобленному лидеру рабочего класса.

Задав вопрос, собеседник с презрением смотрит на мои длинные, почти безжизненно высветленные волосы. Вероятно, полагает, что я попала сюда только благодаря своему происхождению (и еще внешности). Пять пар глаз впиваются в меня, дожидаясь ответа.

– Людям вроде меня?

– Ну, сказать честно, у вас не самое обычное происхождение для среднестатистического барристера... – замечает он.

– Смотря что для вас значит «обычный». Да и кому вообще хочется, чтобы его считали среднестатистическим?

Черт. Слишком дерзко.

Остальные члены коллегии ухмыляются и что-то записывают. Одному богу известно, что они там накаляли.

Перестань, Аманда.

– Могу заверить вас, что я усердно трудилась ради этих стипендий. Прошла тщательный отбор в коллегиях, не менее строгих, чем ваша, и не сомневаюсь, что меня выбрали по заслугам, а не благодаря моему «происхождению».

– Что ж, очень хорошо, – коротко отзывается мистер Грубиян, не поднимая глаз. Судя по его раздраженному тону, он не прочь высказаться подробнее, однако время поджимает.

Я пытаюсь сосредоточиться на дыхании и не выглядеть совершенно запуганной. Другие четверо интервьюеров внимательно следят за каждым моим жестом.

Наблюдают.

Сохраняю ли я спокойствие в стрессовой ситуации? Выгляжу ли я так, как пристало барристеру?

Мистер Грубиян с высокомерным видом просматривает мое резюме. Я уже знаю, к чему он придерется, раз решил играть роль засранца.

- Во время летних каникул в университете вы работали на Ибице...

Пошло-поехало.

- Да.

- И что же за работу вы там нашли? - обвиняющим тоном спрашивает он.

- Танцевала.

Все присутствующие настораживают уши.

- Что-то непристойное?

- Непристойное? Вы имеете в виду обнаженку? Нет, ничего подобного, - уверенно отвечаю я.

Члены коллегии рьяно делают записи. Все, кроме единственной в их составе женщины, которая одновременно очарована мной и разгневана.

- Какие же навыки, приобретенные во время танцев на Ибице, помогут вам в адвокатской практике? - с усмешкой задает вопрос Грубиян.

Не на ту напал, придурок.

- Я работала семь ночей в неделю, а иногда и днем тоже. Опыт живых выступлений поможет мне в суде, ведь я привыкла справляться с ситуациями, когда все идет не так. Я быстро соображаю и готова решать проблемы спокойно и собранно... ну и привыкла носить парики.

Даже капелька юмора – всегда риск. Кажется, сработало, потому что остальные члены коллегии засмеялись. Грубиян, правда, даже не улыбнулся. Собеседование еще не окончено.

– Но вы должны понимать, что не соответствуете стереотипному образу барристера. Люди вас будут судить по внешности. И я имею в виду не клиентов, а ваших собратьев-адвокатов...

Судить, прямо как вы сейчас?

– ...как вы с этим справитесь? – сердито интересуется он.

– Мистер Долус, – с улыбкой отвечаю я, наконец убедившись, что никакой он не плохой полицейский, а просто конченный засранец, – всю мою взрослую жизнь меня судят по внешнему виду. Это справедливо по отношению и к другим тоже, верно? Внешность редко является истинным отражением человека. Я удовлетворяю всем требованиям должности, и это именно та работа, которой я хочу заниматься. Уверена, что могу стать превосходным барристером. Мне плевать, что обо мне подумают остальные. Если так хочется судить других людей, то это их проблема, а не моя.

Ух ты, я и саму себя почти убедила.

Долус молчит. Кладет на стол мое резюме и откидывается на спинку стула, а я мило ему улыбаюсь.

Инстинктивно тянусь за резинкой на запястье, но потом вспоминаю, что специально сняла ее перед собеседованием, иначе бы все время дергала.

В этот момент ко мне обращается мужчина с добрым лицом, которому явно надоели дурацкие вопросы мистера Грубияна.

* * *

Несколько недель я не могла думать ни о чем, кроме собеседования.

Адвокатская контора «Афина» – самая престижная в Ньюкасле. Даже конкурс на собеседование по стажировке огромный, так что, получив приглашение, я запаниковала. Я училась в университете (отличные были времена, море развлечений), окончила юридическую школу (чертовски трудные времена, никаких развлечений), и теперь меня ждала самая сложная часть – получить годовую стажировку на рабочем месте в адвокатской конторе. А таких предложений днем с огнем не сыщешь, поэтому провалить собеседование никак нельзя.

Прошлой ночью я почти не спала – прокручивала в голове все возможные вопросы, которые мне могут задать. Без пятнадцати шесть я подумала, что пора бы и встать, хотя встречу мне назначили только на десять.

Поразмышляла насчет внешнего вида. Я действительно не выгляжу как «типичный» барристер. Скорее похожа на безмозглую блондинку, которую больше интересует выбор цвета теней для глаз, чем последний выпуск «Судебных отчетов» (вообще-то, и первое, и второе очень важно). Целый скандал разразился с моей соседкой Хайди насчет того, стоит ли мне немного «приглушить краски» для собеседования. Она ответила (цитирую): «Нет. Твой ум и яркая индивидуальность в любом случае проявят себя. Твоя внешность – преимущество, а не изъян». Обожаю ее.

В итоге я пошла на компромисс и отложила накладные ресницы. Заколола с обеих сторон свои длинные светлые локоны и оставила их струиться по спине. Был вариант сделать хвост, но это слишком сурово и напоказ, к тому же я не смогла бы думать четко из-за стянутых волос. Из одежды выбрала хорошо сидящий на мне брючный костюм и накрахмаленную белую рубашку. Это подчеркивает мою фигуру («песочные часы») и придает более профессиональный вид, нежели костюм с юбкой.

Прекрасным июньским утром я шла по набережной и у моста через реку Тайн, как всегда, почувствовала себя мелкой и незначительной (хотя сегодня можно было бы и обойтись без этих ощущений). Адвокатская контора «Афина» спрятана в небольшом внутреннем дворике недалеко от набережной – если не знаешь, где искать, то даже не заметишь. Что-то вроде тайного клуба для избранных.

Оказавшись у большой блестящей двери красного цвета, я моментально забыла все фразы, которыми подбадривала себя.глянула на часы – 9.51.

На девять минут раньше.

За дверью начинался длинный светлый коридор со множеством помещений по обе стороны. Здание выглядело элитно. В отличие от меня. На вид старинное – из тех, по которым трудно определить, к какой эпохе оно относится: то ли георгианское, то ли викторианское, то ли еще какое «анское». И весьма величественное: высокие потолки, массивный свод, огромные окна. Свет люстры в коридоре отражался на бледно-желтых стенах, добавляя теплого золотистого свечения, и от этого мне немного полегчало. Здание источало важность и внушало уважение, было наполнено традициями и историей. Именно так и представляешь себе адвокатскую контору.

Внутри оказалось неожиданно тихо для утра пятницы. Зеленые кожаные кресла для посетителей вокруг столика из темного дуба. На высокой стойке администратора – гигантская ваза с лилиями.

– Доброе утро! Аманда Бентли, верно? – За спиной у меня раздался пронзительный голос.

– Да, – ответила я, стараясь не выдать нервозность, от которой едва не падала в обморок.

– Меня зовут Джилл, я администратор. Позвольте проводить вас в зал ожидания. Коллегия сейчас проводит собеседование и скоро примет вас.

«Зал ожидания» представлял собой комнатку в конце коридора, набитую потертыми диванами и старинными ветхими коврами. Разительный контраст с величием, которое представало взору посетителей перед входом в здание.

Прямо шебби-шик.

Я села и стала ждать. Голова кружилась от беспокойства. Натертые дешевыми туфлями щиколотки мучительно болели. Симпатичная, но недорогая обувь – это здорово, пока не приходится ее носить.

Внезапно я осознала, что в голове у меня пусто. Совершенно пусто. Я даже не могла вспомнить, почему мечтаю стать барристером, хотя целых два дня

репетировала ответ на этот вопрос.

Что я думаю о новом положении закона об уголовном правосудии? ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ.

О боже!

Почему я хочу заниматься уголовным правом? Я забыла, честное слово.

Разрыдаться и убежать я не успела, потому что в зал ожидания вошла строгого вида женщина в юбочном костюме и туфлях без каблука, представившаяся одной из интервьюеров. Ее блестящие каштановые волосы были забраны в тугий хвост, на лице – почти никакого макияжа. Женщина, моя полная противоположность, сообщила, что коллегия готова меня принять. Я вдруг почувствовала себя куклой Барби, набивающейся в жены принцу Уильяму. Ничего не выйдет.

* * *

Собеседования проводились в переговорной на втором этаже, откуда открывался панорамный вид на реку Тайн. От пола и до потолка – стеллажи со старинными юридическими томами. Я села у края огромного стола.

Себастиан де Суза, королевский адвокат и председатель коллегии, был человеком загадочным и относительно известным (по крайней мере, в адвокатских кругах), а также очень уверенным в себе – он явно не сомневался в том, что большинство молодых и впечатлительных девушек поспешат скинуть трусики по первому его требованию. Де Суза откинулся на спинку стула, вертя пальцами ручку. Лет сорока пяти, в длинных темных волосах проглядывает седина. Может, дело в деньгах или власти, но этот кареглазый мужчина просто источает харизму, даже когда молчит.

Из остальных членов коллегии мне запомнился Сид Райдер. Если вам нравятся сексуальные мужчины постарше и в костюмах, то это к нему. Взъерошенные темно-русые волосы (светлеющие на кончиках) плясали вокруг его глаз, скользя по скулам при каждом повороте головы. До странности привлекательно, ведь Сид – отнюдь не двадцатилетний юноша, ему уже за тридцать. Холодные голубые

глаза и притягательные ямочки на щеках – Райдер выглядел очаровательным и одновременно противным. Пришлось собрать все мысли в кучу, чтобы не отвлекаться на него.

Групповое собеседование – настоящий кошмар. Главное правило: отвечая на вопросы, нужно смотреть на всех. Не успела я опуститься на стул, как каждый принялся что-то записывать.

Что они там могут писать, если я только что вошла?

– Аманда. В переводе с латыни «достойная любви», – промурчал де Суза, глядя прямо мне в глаза.

– Кажется, так и есть, да, – ответила я чуть ли не с придыханием. Боже, он хорош. И как у него это получается?

– Ну... посмотрим, – произнес он, не отводя взгляда.

Просто бог во плоти.

Вот тогда-то и вступил мистер Грубиян со своими дурацкими вопросами.

Затем его сменил мужчина с добрым лицом (Питер Лоусон), и обстановка полностью изменилась.

Он задает как раз те самые вопросы, которые и ожидаешь услышать на собеседовании по стажировке, что прибавляет шансов блеснуть знаниями (то есть ответить заученными и тщательно отрепетированными фразами, но перед этим как бы задуматься и сделать вид, что гениальный ответ пришел тебе в голову только что).

Первым идет самое важное: почему вы хотите стать барристером? Мой официальный ответ: люблю преодолевать трудности, интересуюсь правом и адвокатской деятельностью и так далее. Однако кое-что я скрываю – например, не рассказываю о том случае, когда в пятнадцать лет я попала в Суд короны, и там меня что-то зацепило. Помню, как чудесно выглядели барристеры в мантиях и париках, с каким уважением их слушали люди. Они сочетали в себе ум, знания

и тягу к справедливости, а также талант к публичному выступлению. К концу слушания я решила, что именно этим и займусь. Никакая другая профессия мне не подошла бы.

Естественно, каждая деталь моей биографии служила препятствием на пути к желаемому. Девчонка с северо-востока Англии, забавный акцент, росла в муниципальном районе, ходила в государственную, а не в частную школу, первая в семье, кто поступил в университет. Беседы со специалистом по профориентации всегда проходили одинаково:

- Ну что, Аманда, чем займешься после школы? - спрашивали у меня.

- Стану барристером, - с вызовом отвечала я.

Каждый раз мне снисходительно, будто не желая обидеть, говорили, что надо бы подумать и о других вариантах.

И все же благодаря тяжелому труду и упрямству я добилась своего.

Члены коллегии забрасывают меня вопросами. Времени на обдумывание почти не остается, но я хотя бы не забываю на всех смотреть. Верчу шеей прямо как та девочка в фильме «Изгоняющий дьявола».

- Лучший способ провести вечер пятницы? - внезапно спрашивает Секси-Сид.

Что?

Я размышляю. Врать не собираюсь, хоть и не понимаю, зачем он об этом спросил.

- Потанцевать и выпить пару коктейлей с друзьями, - содрогнувшись, говорю я.

Не знаю, верный ли ответ, но куда лучше, чем «сидеть дома и читать о новых законах касательно преступлений сексуального характера».

Даже не представляю, к чему это все приведет. Де Суза ухмыляется, будто пробует телепатически уловить название места, куда девушка вроде меня ходит по пятницам.

– Что ж, вы бы вписались в команду, – с очаровательной улыбкой отзывается Сид.

После этого я буквально растеклась по стулу.

Через сорок пять минут от мужчины с добрым лицом я узнаю, что допрос окончен, если только у меня нет каких-либо вопросов. А вопрос у меня есть.

– Сколько стажеров вы планируете взять в этом сентябре? – интересуюсь я.

– Мы говорим, что место всего одно, однако если выдающихся кандидатов будет больше, рассмотрим и двоих.

Вот черт.

На этом все закончилось. Время вышло, и я сделала все, что могла.

– В любом случае мы сообщим вам о нашем решении в понедельник, а завтра утром первым делом вышлем письмо. Спасибо, что пришли, – говорит на прощание Добряк, и меня уже выводят из кабинета.

Я быстро иду по коридору, ускоряя шаг. Открываю тяжелую входную дверь – на лицо падают солнечные лучи. Достая из сумки очки и с уверенным видом надеваю их, чтобы скрыть громадные слезы, собравшиеся в уголках глаз.

Я обессилена. Несколько недель готовилась к собеседованию, и вот оно окончено. Меня накрывает волна то ли облегчения, то ли тревоги, а может, всего сразу, я не знаю.

С черепашей скоростью плетусь по улице и дважды едва не попадаю под машину. В ожидании автобуса мысленно возвращаюсь к собеседованию, но в голове только каша из отдельных сцен и голосов.

Я очень надеюсь, что не облажалась.

Глава 2

Последнее, чего мне сегодня хочется, – это пойти куда-то выпить. Все время думаю о вчерашнем собеседовании: о том, как все прошло, как я могла бы найти лучшие ответы на вопросы – и так до бесконечности. Я с удовольствием лежала бы на диване до самого понедельника в компании вредной еды, вина и сериалов «Нетфликс», роняя слезы по единственному серьезному шансу в жизни, который я загубила. Однако я обещала Хайди, что мы куда-нибудь сходим, и она от меня не отстает.

В 17.45 она приближается ко мне с угрожающим видом: руки на бедрах, взгляд полон презрения.

– Мэнди, я даю полтора часа, чтобы ты пришла в себя. Хорошо хандрить, давай-ка наводи красоту. Возражения не принимаются!

Я морщусь, еще крепче сжимаясь в позе эмбриона.

– Но...

– Никаких но! Вперед! – Хайди стаскивает меня с дивана с такой силой, что я падаю на пол, и мы обе хохочем.

– Ладно-ладно! Я пойду!

* * *

Через два часа мы уже в нашем любимом баре под названием «Криптик», то есть «загадочный». В отличие от вчерашнего строгого костюма этим вечером на мне черное обтягивающее платье – такое узкое, что даже трусики под него не наденешь. Голову венчает пышная прическа, на ногах – высокие каблуки. Мистера Грубияна хватил бы удар, увидь он меня такой.

Со стороны мне, пожалуй, можно позавидовать: стройная фигура с изгибами в нужных местах, длинные светлые волосы, большие голубые глаза, «милый носик-кнопочка» (так мне говорят) и пухлые губы (так пишут в журналах).

Благодаря всему вышеперечисленному, а еще тому, что я считаю себя умной, можно предположить, что жизнь моя – сплошное счастье. На самом же деле единственное, в чем я уверена, – это внешность. Люди понятия не имеют, что творится внутри, за завесой постоянных улыбок, под слоем краски... да и с чего бы им догадываться? Почему они должны волноваться о моих личных проблемах, когда жидкая подводка на глазах лежит так безупречно?

Хайди сегодня – настоящая соблазнительница. В откровенно-коротком красном платье ей удастся выглядеть ни капельки не вульгарно, а, напротив, очень элегантно. В этом вся Хайди.

Стоит теплый летний вечер, значит, можно сесть снаружи. Раз я с Хайди, то мы не «просто садимся», а выбираем место с наилучшим обзором. Поближе ко входу/выходу, чтобы замечать новых красавчиков, но не впритык к двери, иначе ребята нас/меня «не увидят». Мне никогда не разобраться в этой странной системе Хайди. Такое чувство, что мы выставляем себя напоказ вроде павлинов, однако парни так и валяются к ее ногам – потому и не мне судить.

Хайди – моя лучшая подруга во всем мире. Ноги у нее как у модели – таких длинющих вы в жизни не видели. Фигура сексуальная, подтянутая благодаря йоге (не то что у меня), темные волосы острижены под резко очерченный «боб». На нехватку мужского внимания она не жалуется. Вообще, Хайди привлекает и женщин, и мужчин. Первые восторгаются ею, потому что она такая чертовски идеальная, и за это же ненавидят. Вторые боятся, но тут же готовы целовать землю, по которой она прошла. Бурные эмоции Хайди особо не интересуют.

Как и бойфренды. У нее бывают мальчишки-игрушки, парни чисто для секса, короткие интрижки; бывают то богачи, то интересные мужчины без гроша в кармане; некоторые умные, но совершенно не привлекательные, другие сексуальные, но совершенно тупые; кто-то к ней привязывается, кто-то быстро исчезает... Но про всех можно сказать одно: они попадают под чары Хайди. Она может получить любого мужчину, только все они ей быстро надоедают. То есть она жалуется на скуку, хотя причина наверняка кроется глубже.

А вот моя личная жизнь – полная катастрофа. Слышали про диапазон парней? На одном конце – плохие парни (месяцами бегают за тобой, а потом, когда ты наконец западаешь, ведут себя как полные уроды: не едят, строят из себя бабников и прогоняют, как только ты им надоешь), на другом – «такие-милые-просто-нет-слов» (истинные джентльмены, потенциальные отличные мужья,

осыпают тебя комплиментами и ВСЕГДА отвечают на сообщения). В общем, мне обычно попадается кто-то из них – и ни разу из золотой середины. Вечно от них одни проблемы, потому что хорошо такие отношения никогда не заканчиваются. К кому меня тянет, так это к плохим парням, потому что, знаете, – ну а кого не тянет? Случались на моей памяти и настоящие хоррор-шоу, однако лучше всего я справляюсь с плохишами следующим способом: просто о них не думаю. Ведь если не обращать внимания на нечто страшное, его, считай, и не существует. Таковы законы физики.

Правда, чересчур милые парни мне тоже не нравятся. От всех этих комплиментов и очарования мне становится как-то... не по себе.

В общем, с противоположным полом у нас с Хайди полный крах, что весьма обидно, ведь мы часами обсуждаем наши будущие свадьбы.

Мы подружились на второй неделе учебы в университете, когда я села рядом с ней на лекции по договорному праву (там изучают, как разорвать контракт из-за неудовлетворенности одной стороны – забавно). Она наклонилась ко мне и прошептала (в речи слышался явный, но не слишком резкий ньюкаслский акцент):

– Ты только посмотри на задницу этого Тома.

С тех пор мы стали неразлучны. Пожалуй, можно сказать, что нас свела вместе любовь к праву (ну и к заднице Тома, раз уж на то пошло, в которую Хайди будет регулярно впиваться своими ноготками, пока ей это не надоест, а хватит ее недели на три).

Разумеется, она получила работу в лучшей фирме Ньюкасла, занимающейся торговым правом. Умничка Хайди уделала их на собеседовании и получила должность, даже не успев выйти из здания.

После нескольких коктейлей в «Криптике» мы перебираемся в бары района Джесмонд. Во время учебы жить рядом с университетом нам было не по карману, и мы поклялись, что обязательно поселимся здесь, когда станем «взрослыми». Какие же мы молодцы! Ну да, живем мы в тесной двухэтажной квартирке рядом с метро – мебель трясется каждые двенадцать минут (в соответствии с расписанием поездов), зато на нашей улице полно

замечательных ресторанов, баров и ДАЖЕ есть «Старбакс».

МЫ ПРЕУСПЕЛИ.

К половине одиннадцатого мы напились и потому заводим весьма глубокомысленный разговор (позволительный и желанный только после употребления большого количества алкоголя). Я высказываюсь о своих волнениях по поводу стажировки, Хайди жалуется, что месячные (опять) запаздывают, и мы проводим мини-голосование по поводу того, стоит ли переспать с телеведущим Ричардом Медли (да).

Подходят какие-то взрослые мужики. Seriously, такие старые, что в отцы нам годятся, и вовсе не симпатичные. В подобной ситуации без Хайди не обойтись – она решает проблему ловко и без лишних усилий.

– Фу! Как можно быть таким напыщенным и некрасивым? – бормочу я, отпивая мохито.

– Мартину Греггу это не помешало, правда? – поддразнивает Хайди.

– Не-е-ет! Не смей БОЛЬШЕ упоминать его в моем присутствии! Скатертью дорога! – кричу я.

От одного его имени у меня мерзкие мурашки по коже. Извращенец из юридической школы! Он испытывал ко мне странное влечение. Гадость. Лучше о нем не говорить.

На часах половина второго, и мы бредем домой. Я заползаю в свою спальню и падаю на кровать. Совсем не пила воды, и мучительно жалею об этом, а утром меня настигнет расплата. Все остальное – как в тумане; я засыпаю, не переодевшись, глаза слипаются от клея для ресниц.

* * *

Утром в понедельник я просыпаюсь в нелепо ранний час. Заливая в себя миллион чашек чая, включаю новости, жду письма. После вчерашнего грандиозного похмелья я радуюсь, что хотя бы снова чувствую себя человеком.

К 9.15 почтальона все еще нет, и я размышляю, не позвонить ли в отделение. Вообще-то обычно письма доставляют не раньше 10.30, но дело не в этом.

Наконец в 11.07 я слышу, как сквозь щель падает конверт.

Вот оно.

Все мои труды, долгие часы учебы, море слез. Пожалуйста, пусть это буду я. Я беру письмо и иду к себе в комнату. Разрываю конверт, делаю глубокий вдох и разворачиваю листок бумаги.

Следующие несколько минут я помню с трудом, потому что слишком часто дышу.

«В продолжение нашего недавнего собеседования мы рады предложить вам годовую стажировку, начиная с сентября...»

Я бегу в спальню Хайди и застаю ее в компрометирующей позе с перепуганным мужчиной.

Отклоняясь от темы, замечу, что я понятия не имею, кто он и как там оказался.

Я торопливо закрываю дверь и кричу:

– Получила!

Через миг Хайди выскакивает в халате, издавая радостные дельфиноподобные визги, крепко меня обнимает и бросает «Джейсону», что ему пора идти.

– Я ТАК горжусь тобой, дорогая! – пронзительно вопит она.

Не прошло и пяти минут, как мы открыли бутылочку просекко, и я принялась перечитывать письмо снова и снова.

– Подожди. Тут сказано, они берут двух стажеров, но через год только один займет постоянное место в фирме...

– И что? – Ничуть не смущенная этим, Хайди подает мне бокал игристого вина. – Ты с легкостью обойдешь всех соперников.

– Как знать. Вдруг там кто-то очень классный? На собеседовании говорили, что возьмут второго, только если попадется некто выдающийся.

Хайди молча ждет, пока до меня дойдет смысл собственных слов.

– Ладно, поняла. Меня они тоже сочли выдающейся... но и другого человека тоже. Должность может получить любой из нас.

– Черт возьми, Мэнди! Ты только что обошла двести кандидатов в конкурсе на стажировку! По-моему, теперь, когда желающих всего двое, у тебя неплохие шансы! Это последнее препятствие. У тебя получится.

– Легко тебе говорить. Тебе не придется ни с кем бороться за место в фирме.

– Верно. А если бы и пришлось, меня бы это не беспокоило. Я была бы так чертовски хороша, что никто и не подумал бы о моем сопернике. Так что – вперед, иди туда и покажи им.

Уверенность Хайди не знает границ. Мне бы так. И все же, хоть это и бесит... она права.

Впрочем, меня волнует кое-что еще, хоть я и стараюсь выбросить эту мысль из головы.

– Вдруг они узнают, Хайди? – с неподдельным ужасом в голосе спрашиваю я.

– Хватит тебе. Не узнают, – твердо отвечает подруга с деловым видом.

– Но...

– Перестань. Не надо. Все будет хорошо, – заверяет она, легонько пожимая мою ладонь.

Я киваю. Она права. Я прошла долгий путь – теперь не время сомневаться. Нужно двигаться дальше.

– Итак, – продолжаю я, будто и не было этих последних тридцати секунд беседы, – типа такое проклятие – если после стажировки не получить постоянное место, тебя будут считать человеком, которому дали шанс и который «не оправдал надежд». Ты становишься «бракованным». Никто после такого не возьмет тебя на работу. Мне нужна эта должность. Других вариантов я даже не рассматриваю, – дерзко заявляю я.

– Моя девочка! – воркует Хайди, словно гордая за свое чадо мать. – А теперь давай отмечать...

Глава 3

Прошло три месяца с тех пор, как я получила стажировку в адвокатской конторе «Афина». После празднования я вернулась к реальности и многие ночи провела без сна. Ради этой стажировки ты столько трудишься, а получив ее, вдруг начинаешь терзать себя сомнениями, и в голове крутится лишь одна отравляющая разум мысль: «Что, если я недостаточно хороша?»

Летом мы с Хайди изо всех сил трудились в огромном кол-центре. Брали столько смен, сколько вообще способен выдержать человек, а сразу после работы шли тусоваться. Конечно, на следующий день, когда приходилось вытаскивать друг друга из кровати и сидеть в офисе с раскалывающейся головой, мы об этом жалели. В некоторые дни мы даже протрезветь не успевали.

Истекали наши беспечные деньки. Безумные времена подходили к концу, начинался тот странный период, когда ты уже не студент, но еще и не по-настоящему взрослый. Вроде как разрешают пользоваться студенческой картой скидок в «Топ Шопе»[1 - «Топ Шоп» – британский магазин одежды, обуви и аксессуаров.] и получать налоговые скидки.

Все, с сентября – больше никакого похмелья на работе (и тем более не заявляться на работу пьяной!) и никаких драматических сцен. Мы будем

юристами. Пора вести себя по-взрослому.

* * *

Мой первый день приходится на свежее сентябрьское утро. Как сказано в письме – меня ждут к восьми утра с париком и мантией.

Моя мантия!

Я впервые надену ее прилюдно. Специально ездила в Лондон в супермодный магазин на Чансери-лейн – обстановка там как в начале девятнадцатого века. К тебе обращаются «мадам», стоишь у гигантского зеркала и ждешь, когда тебе подадут мантию на примерку. Из ниоткуда появляются мужчины во фраках с портновским сантиметром, перекинутым через плечо. Словно попал во вселенную Гарри Поттера. Хочется сказать: «Спасибо за мантию, а где мне купить волшебную палочку и сову?» Выложив баснословную сумму (даже не спрашивайте, какую), я с гордостью вышла из магазина и приобрела небольшой чемоданчик на колесах, куда и сложила обновку.

На подходе к конторе все тело покалывает от волнения. Кажется, всего пару минут назад я шла сюда на собеседование под палящим солнцем. Теперь же, как это бывает, когда лето плавно перетекает в осень, воздух наполнен ясно ощутимой прохладой. Во время учебы она была знаком начала осеннего триместра. А сейчас меня ждут не занятия, а новая работа. Новая увлекательная жизнь.

Утром в понедельник в конторе шумно, туда-сюда мелькают люди в костюмах и с дипломатами.

– Мисс Бентли, рада вас снова видеть! – говорит Джилл. – Присядьте. Я сообщу мистеру Скайлару, что вы здесь.

Ричард Скайлар – мой наставник, и я немного боюсь встречи с ним. Во время стажировки тебе дают наставника, и в течение первых шести месяцев нужно повсюду следовать за ним (только не в туалет, хотя, говорят, и такое бывало), наблюдать за его действиями в суде и заниматься всей бумажной работой, которую переключают на ученика. Через полгода тебя выпускают перед

публикой, и вот тут начинается паника. Наставник учит не только профессиональным аспектам работы, но и помогает справляться с личными и эмоциональными проблемами.

Я, конечно, все разузнала. Скайлар – авторитетный и уважаемый барристер с тридцатилетним опытом работы в сфере уголовного права. Он президент множества организаций, аббревиатуры которых я даже не могу расшифровать. Именно у такого барристера мне и нужно учиться. Судя по фотографии на сайте, он – настоящий специалист, хотя вид у него слегка пугающий.

Я сижу на диване с ровной спиной, и заходящие в контору барристеры наверняка видят, что я новенькая, ведь все мое тело буквально кричит: «ПОМОГИТЕ! МНЕ СТРАШНО!»

Через пару минут из коридора доносится что-то вроде пения. Боже, видимо, это ранние переговоры с безумным клиентом. Джилл даже бровью не повела – похоже, привыкла. Звук нарастает, и я вжимаюсь в диван, чтобы тот ненормальный меня не заметил. Он влетает в приемную, изображая руками джазовые движения и заканчивая исполнением песни «Весь этот джаз» из мюзикла «Чикаго».

– И-и-и ве-е-есь э-это-о-от джа-а-а-аз... ЭТОТ ДЖАЗ!

На нем жилет поверх пестрой рубашки лососевого цвета и ярко-зеленый галстук. Мужчина высокий, выглядит внушительно. Ему лет пятьдесят с хвостиком, седые волосы растрепаны, что придает ему вид сумасшедшего ученого, на носу – крупные очки в черной оправе. На преступника он не похож. Напротив, его лицо кажется знакомым.

Я испуганно наблюдаю за тем, как мужчина, замерший в танцевальном движении, смотрит на меня.

Это и есть Ричард Скайлар. Мой наставник. Человек, у которого я буду учиться тонкому искусству адвокатского дела.

– Э-э-э, – бормочу я.

И чего он от меня ждет?

Скайлар выпрямляется и рявкает:

– Ну что, Барби, идем! Некогда тут расслаживаться, суд через несколько часов!

Все это невероятно странно.

* * *

Я иду за Скайларом в его кабинет в мансарде, по дороге мы молчим. Он садится за стол и указывает мне на стул с другой стороны. Затащив свой чемодан вверх по лестнице, я тяжело дышу, настоящий позор для двадцатитрехлетней женщины. Огромный стол из темно-красного дерева завален бумагами. Следы от кофейных кружек на листках подсвечиваются лучами яркого солнца, которое просачивается сквозь небольшое окно.

Наставник скрещивает руки на груди и принимает очень строгий вид, будто и не было никакого музыкального выступления пару минут назад.

– Итак, – начинает он. – Меня зовут Скайлар, Ричард Скайлар. Не Рич, а Ричард. Сегодня я дал тебе поблажку, но с завтрашнего дня будешь приходить в контору к семи тридцати и уходить тогда, когда я разрешу. Каждую неделю тебя ждут задания, связанные с адвокатской деятельностью.

Я сосредоточенно киваю, надеюсь, что Скайлар не слышит бешеный стук моего сердца или шумное сглатывание.

– Ты моя четвертая, и последняя ученица. Так что уж постарайся, – добавляет он.

Твою мать. Какое давление.

– Буду стараться изо всех сил, мистер Скайлар.

– Помни, что всегда можешь попросить у меня совета. Звони в любое время дня и ночи, но только НЕ в тот час, когда показывают «Доктора Кто» – я просто не

ответу. В эти шестьдесят минут я отдыхаю от своих обязанностей наставника. Все понятно?

- Да, мистер Скайлар. - Я все еще тяжело дышу.

- Ричард, - поправляет он. - И последнее... на стажировке не бывает глупых вопросов, хорошо?

- Да.

- Отлично! - восклицает Скайлар.

После этого он устраивает мне мини-экскурсию по конторе и по дороге знакомит примерно с двумя десятками сотрудников. Я глупо улыбаюсь, пока Ричард перечисляет их имена (которые я тут же забываю). Затем он сообщает, что на плечи стажера ложится некий утренний ритуал. Как только мы заходим на кухню, все сразу становится ясно.

- В общем, мне большую кружку черного и горячего, - заявляет Скайлар.

- Что, простите? - переспрашиваю я. Может, ослышалась?

- Кофе. Каждое утро. По традиции ученик готовит горячие напитки всем барристерам.

Прямо-таки всем? Не может быть.

- Да, всем-всем, - продолжает Ричард, словно читая мои мысли. - Хотя тебе будет полегче, ведь мы взяли второго стажера.

Со своим соперником я еще не виделась. Ричард говорит, он тоже начинает сегодня, так что надо познакомиться. Его наставник - Джин Долус, он же мистер Грубиян с моего собеседования.

Вот повезло-то.

Время быстро пробегает, и уже в 9.15 мы выходим из здания и направляемся в Суд короны.

* * *

Суд короны Ньюкасла находится в роскошном здании прямо на набережной. Самое классное в нем – стеклянный лифт, который перемещается с внешней стороны. В него мы и забегаем после того, как охрана пускает нас внутрь. Кабина дзынькает на третьем этаже, и все спешат в комнату для облачения.

Это просторная раздевалка, где барристеры надевают мантии перед слушанием. Вдоль стен тянутся деревянные шкафчики, все усыпано париками, мантиями и воротничками.

Несколько барристеров оборачиваются, когда мы подходим к шкафчику Скайлара. Стол занят группой адвокатов, которые уже облачились в мантии. Выглядят как «крутая банда» – в школе такие никогда не дружили со мной. Мы достаем вещи, а все вокруг, женщины и мужчины, понижают голоса, не переставая при этом бесстыдно любопытствовать, откровенно глядеть на нас и смеяться.

– Ричард, – шепчу я, – почему они так смотрят на вас?

– Не на меня, а на тебя, – ухмыляется он, доставая из чемодана папки.

– На меня? Почему? Что я сделала не так?

– Ты свежее мясо, – объясняет Скайлар. – Они заинтригованы. Хотят узнать тебя получше как можно скорее, и у каждого на то свои причины. Так бывает со всеми стажерами, особенно с девушками. Будь начеку.

Я и так чувствую себя беззащитной, а теперь еще и это. Жаль, такому не учат в юридической школе.

Скайлар напоминает мне о мантии, и я с радостью ее надеваю. Процесс сразу выдает во мне новичка, потому что времени на это уходит в десять раз больше, чем у других, хоть я и тренировалась дома.

А что делать с волосами?

Я репетировала столько раз, и все выглядело нормально, однако теперь, в реальной ситуации, в окружении настоящих барристеров я смотрюсь наивно и глупо. Парик кажется совершенно чужеродным предметом, и я обращаюсь с ним, как бездетная женщина с чьим-то младенцем (держу на вытянутой руке, едва не крича: «ЧТО МНЕ С ЭТИМ ДЕЛАТЬ? ЗАБЕРИТЕ ЕГО, ПОЖАЛУЙСТА!»). Парик начинает жить собственной жизнью, как чересчур активный хомячок, и я его уже ненавижу. Как ни надень, вид у меня в нем абсолютно нелепый.

Терпение Скайлара иссякает.

– Хватит красоваться. Нас ждет клиент.

* * *

Все утро мы бегаем от одного суда к другому, от камеры заключения к клиенту и к другим барристерам. Не работа, а сплошная спешка, так что неплохо было бы записаться в тренажерный зал и купить туфли на удобном каблуке. Зато пробегающие мимо барристеры выглядят весьма драматично. Мантии развеваются... будто в клипе про юристов. Очень театрально.

Не успела я и заметить, как пришло время обеда.

Слава богу, передышка!

Я бросаюсь в туалет – мучилась последние три часа, но не рискнула спросить. Вот еще одна проблема: сходить в туалет, когда ты в полном облачении, не так-то просто. Как же я сочувствую невестам в день их свадьбы. Кстати, нужно ли снимать парик? Вроде нет, хотя немного странно писать, когда у тебя на голове копна конских волос семнадцатого века. Стоило бы принять важный вид, а не проверять сообщения на смартфоне.

Да уж, добро пожаловать в мою новую чудесную жизнь.

Выйдя из дамской комнаты, я попадаю в очень неловкую ситуацию.

Комната для облачения пуста, не считая высокой и стройной женщины-барристера. Огненно-рыжие кудрявые волосы растрепались и торчат из-под парика, создавая контраст с ее большими изумрудно-зелеными глазами. Она пристально и как-то испуганно смотрит на мужчину, который стоит спиной ко мне.

– Хватит тебе. Не стоит быть таким наглым... – усмехнувшись, заявляет она с мелодичным ирландским акцентом.

– Уж кто бы говорил, Кларинда, – спокойно говорит мужчина.

В этот момент женщина замечает мое присутствие.

– Обсудим это позже, Сид, – со злостью бросает она и уходит.

Мужчина оборачивается. Судя по его улыбке, он благодарен за то, что я прервала их разговор.

– Смех, да и только! – Он снова улыбается, изогнув брови. Это Сид Райдер с моего собеседования, и в облачении он выглядит невероятно привлекательно, как и полагается сексуальному мужчине средних лет. – Аманда, верно? – спрашивает он, присматриваясь ко мне.

– Да, сегодня первый день.

– И какая песня вам досталась? – интересуется он со своим ньюкаслским акцентом.

– В смысле?

– Приветственная песня от Ричарда? Дайте угадаю... «Весь этот джаз»? – каким-то образом догадывается он.

– Да! К чему вообще это было?! – Я уже начала думать, что его выступление мне померещилось.

- Он делает так со всеми стажерами в первый день. Песни бывают разные, но «Весь этот джаз» - его любимая. Нравится ему делать «джазовые ручки», - смеется Райдер, передразнивая движения Скайлара.

- Может, мой вопрос покажется глупым... - начинаю я.

- Разве он не говорил вам, что не бывает...

- Глупых вопросов, - одновременно говорим мы и смеемся.

- Так зачем эта песня? - спрашиваю я.

- Ричард хочет увидеть, как вы справляетесь с реакцией. Он постоянно будет вытворять всякие странности, - объясняет Сид. - Уж поверьте. Много лет назад я был его первым стажером.

- Я и не знала.

- Не волнуйтесь, - улыбается он. - Еще привыкнете.

У меня тот же наставник, что и у Сида Райдера. Ну ничего себе.

- Кстати, не обращайтесь внимания. - Сид показывает взглядом в сторону двери. - Проклятие недавнего расставания, - смущенно поясняет он.

- Ну, это не мое дело, - как ни в чем не бывало говорю я. - Пора мне переодеваться и бежать, Ричард ждет внизу. Увидимся.

- Обязательно, - отзывается он с улыбкой, от которой хочется растаять.

Уже направляясь к выходу, Сид дает мне еще один совет:

- Аманда, от Ричарда можно ожидать самого неожиданного. Он сведет вас с ума, но в результате вы станете чертовски хорошим барристером.

Хм-м...

* * *

На обед Скайлар ведет меня в ресторан под названием «У Рино». Атмосферное итальянское местечко с обратной стороны здания суда.

Тесное и подержанное, притом довольно модное, заведение явно принимает клиентов уже долгие годы. Вокруг столов, украшенных маленькими свечами, стоят разномастные деревянные стулья. На стенах – черно-белые фотографии клиентов, которые обнимают одного и того же темноволосого мужчину с сигарой во рту (вероятно, самого Рино). Хотя на улице солнечно, темные шторы не пропускают свет, создавая интимную и уютную обстановку. Скайлар заверяет меня, что именно здесь находят новых друзей, устанавливают связи и заключают сделки.

Несколько человек из конторы уже сидят тут, и официанты придвигают второй столик, чтобы мы со Скайларом к ним присоединились. Я чувствую себя еще более уязвимой. Теперь не только придется говорить умные и забавные вещи, но и беспокоиться о том, какие взять приборы, как ничего не пролить и правильно произнести слово «брускетта», когда буду делать заказ.

О господи!

Меня продолжают знакомить с новыми людьми, а я сижу с умным видом, улыбаюсь и тут же забываю их имена. Увидев, как я смотрю на меню (главным образом на цены), Скайлар снова проделывает трюк с чтением мыслей.

– О деньгах не переживай. По традиции стажеры не платят ни за напитки, ни за обеды... – сообщает он, даже не пытаясь скрыть возмущение.

Полегчало. Такая традиция мне по душе.

За нашим столом ведется оживленная, немного шумная беседа. Все как-то чересчур, чрезмерно. Люди наклоняются друг через друга, чтобы поговорить. Официанты приносят вино и разливают его по бокалам. Ресторан гудит от разговоров. Никого ни в малейшей степени не волнует тот факт, что сейчас середина понедельника и через час большинству присутствующих нужно будет

вернуться в суд и продолжить слушания. После такого количества вина мне было бы не до работы.

Скайлар совершенно не вписывается в обстановку, и я не понимаю, зачем он привел меня сюда, в это странное место. Хочется впечатлить наставника, но я не в курсе, можно ли заводить речь на какие-либо темы, кроме юридических. Не знаю, можно ли обсуждать развитие событий в последних сериях «Игры престолов» («Доктора Кто» я никогда не смотрела). Почувствовав мою неловкость, Скайлар задает мне общие вопросы – откуда я родом и все такое. Я говорю, что из Тиссайда, недалеко от Ньюкасла. Люблю родные места, но не хотела бы там жить.

– Так чем занимаются твои родители? – спрашивает Ричард, сделав заказ для нас обоих (фух).

– Ну, мама заведует рабочим мужским клубом, а ее партнер выступает в трибьюте «Крысиной стаи»[2 - «Крысиная стая» – так называлась музыкально-комическая группа, лидеры которой – Фрэнк Синатра, Дин Мартин и Сэмми Дэвис – выступали в клубах Лас-Вегаса и на телевидении.].

Скайлар вскидывает брови.

– Какое разнообразие.

– Да, можно и так сказать.

– А твой биологический отец?

Слишком личный вопрос. В груди все сжимается от одного лишь упоминания об этом человеке. Меня переполняют тревога и паника. Следовало ожидать, что меня об этом спросят. Я отвожу взгляд в сторону окна, из которого, к сожалению, нельзя выглянуть на улицу.

– Он, э-э... он больше не присутствует в нашей жизни...

Только не спрашивайте почему. Как бы сменить тему?

Лицо заливает краской.

От расспросов меня спасает оклик с другого конца стола.

– Аманда! Сурово тебя встретили в комнате для облачения, да? Биллстер, ты еще не позвал ее на свидание? – кричит некий «очаровательный» барристер, которого, по-моему, зовут Джон, хотя он вполне может оказаться Гарри, Майклом или кем-то еще.

Биллстер поднимает руки, как бы говоря «нет-нет», и все за столом раздражаются смехом.

Как мило.

С гневным видом Скайлар произносит:

– Зря тратишь время. Девушка с принципами. Не стоит ее недооценивать.

Шутники замолкают. Пусть Скайлар и странный тип, но у него есть влияние. Толпа из конторы возвращается к своей болтовне, а я продолжаю беседовать со Скайларом.

* * *

Когда мы переходим к кофе, разговор становится серьезнее. Скайлар скрещивает руки и кладет их на стол. Наклоняется ко мне, понижает голос так, чтобы никто нас не слышал.

– Аманда, осмотрись. Глянь на всех этих людей...

Я смотрю.

– Эти люди – твои судьи и твои присяжные. В следующие двенадцать месяцев именно они будут оценивать тебя – кто справедливо, кто не очень. Чтобы получить должность и обойти второго претендента, нужно получить семьдесят пять процентов голосов в конторе. Тебе необходимо впечатлить их.

Вот оно. У меня чувство, будто с меня сорвали всю одежду.

- То есть меня ждет что-то вроде собеседования длиной в год?

- Намного хуже, - смеется Скайлар. - На собеседовании тебя оценивают по успехам в учебе. Стажировка - конкурс популярности. Чтобы победить в нем, надо поладить со всеми. Вообрази, что это предвыборная кампания.

- Но ведь главное - усердно работать? - наивно спрашиваю я.

- Только не в адвокатской конторе, Барби.

Вот как.

- Хочешь выиграть? Найди подход ко всем коллегам обоего пола. Заводи друзей, однако не будь чересчур дружелюбной. Замечай врагов. Проявляй ум. Сдерживай стервозность. Предлагай помощь и трудись изо всех сил. И ради всего святого, не ввязывайся ни в какие скандалы и не вступай в сексуальные отношения с кем-либо из конторы.

Сколько же всего придется запомнить.

Я допиваю кофе, в голове крутится все, что рассказал Скайлар. Реальность и правда кусаются. Скайлар замечает, как я кошусь на морковный пирог, и заказывает его мне - только «в честь первого дня». Просит не ждать регулярных поблажек, ведь барристеры «не сделаны из денег, хотя многие и уверены в обратном».

Вскоре после этого мы возвращаемся в контору: Скайлар хочет, чтобы я взглянула на кое-какие документы перед уходом домой. Начинаю чувствовать себя профессионалом.

Потом заглядывает добрый мужчина Лоусон (с собеседования) и интересуется, как у меня дела.

– Все замечательно, Питер. Столько информации. Мне нравится, – с энтузиазмом отвечаю я.

– Прекрасно, я очень рад, что мы тебя взяли. Кстати, хочешь познакомиться со вторым стажером? Он как раз вернулся из суда.

– Да! Жду не дождусь, – честно говорю я.

Ну, не то чтобы «не дождусь», но заинтригована.

Следуя совету Скайлара, попытаюсь наладить отношения. Может, мы будем раз в неделю встречаться за бокалом чего-нибудь, чтобы обменяться сплетнями о конторе. В здоровой конкуренции нет ничего плохого.

– Мартин – отличный парень. Уже успел всех развеселить, такой классный.

Скайлар неохотно разрешает мне пойти познакомиться с Мартином и закончить рабочий день пораньше (ура!) – с условием, что завтра в 7.30 утра я буду в конторе.

Направляясь к общей зоне отдыха, я слышу раскаты смеха. Да уж, этот Мартин прямо весельчак.

Он сидит спиной ко мне, и все собравшиеся барристеры не сводят с него глаз.

– Ох, Греггси, приятель, вот так история! Надо было упомянуть ее в резюме! Умора! – хлопая в ладоши, говорит один из адвокатов.

Постойте-ка... «Греггси»? Мартин?

Нет. Только не ЭТО.

Питер привлекает всеобщее внимание и возвещает:

– Аманда, познакомься с нашим вторым стажером: Мартин Грегг.

Мартин Грегг, удостоившийся столь пышного представления, встает и оборачивается. Он совсем не удивлен, что кажется мне подозрительным. Ярко-красный галстук, верхняя пуговица расстегнута, вид слегка растрепанный.

Смотрю, хорошо устроился.

Черные волосы уложены гелем, как будто прическу ему делала мама.

– Мэнди! Какое невероятное совпадение! – Судя по его тону – никакого не совпадение, как ни крути.

– Вы знакомы? – спрашивает кто-то из барристеров, чье имя я не могу вспомнить.

– Да. И довольно близко, – отвечает Мартин, театрально подмигивая.

Я же так напугана, что не в силах вымолвить ни слова.

Поверить не могу.

Одно я знаю точно – это будет очень длинный год.

Глава 4

Четыре месяца назад

Юридическая школа, ночь перед последним учебным днем.

– Аманда Бентли, ты гребаная сука!

Мартин Грегг смотрит на меня с такой злобой, что становится страшно.

Вот результат того, что накопело за девять месяцев – с тех пор, как мы оба пришли сюда учиться.

В первый день мы все были новичками, готовыми начать свой путь к карьере барристера. Современная аудитория, новенькие папки, новенькие ручки и – целое море оптимизма.

Мартин Грегг появился на первом семинаре через двадцать минут после его начала. Зашел с важным видом и даже не извинился. К середине дня он уже успел всем похвастаться, что его отец – судья, что он учился в «лучшей» школе-пансионе в Соединенном Королевстве и что благодаря «семейным связям» может получить стажировку в любой конторе на северо-востоке страны. Так друзей не заводят.

Мартин был низковат, однако недостаток роста восполнял самоуверенным поведением. Говорил, что «играет в регби» – мол, потому такой крупный, а на самом деле просто страдал от лишнего веса. В результате одежда (дизайнерская) выглядела на нем нелепо (футболки натягивались, а воротники, понятное дело, были подняты).

А, и еще волосы. Будто вылепленные цельным куском, как у лего-человечков. Казалось, что ночью он их снимает, а утром снова надевает. Противная густая масса. Фу! Похоже, в мире Мартина Грегга на деньги можно купить все... все, кроме меня.

– Ты совсем не похожа на тех девушек, которых я знал... – говорил он.

И то хорошо.

– ... ты такая... колючая, Аманда, – продолжал он таким тоном, словно его заводила эта моя «колючесть» (что бы он под ней ни подразумевал).

Сначала я приняла Мартина за обычного высокомерного дурачка, достающего всех бахвальством об игре в поло и выходных, проведенных то с одним, то с другим лордом.

Потом, через несколько месяцев, Грегг стал осторожно подбивать клинья, не хочу ли я с ним где-нибудь выпить. Уверенно и при этом вежливо я каждый раз говорила «нет». Каждый раз он ухмылялся, как будто я не понимала своего счастья, но со временем обязательно пойму. Я отказывала, а Мартин все больше хотел меня. Словно я бросила ему вызов. Возможно, он считал меня трофеем, который нужно выиграть и отвезти домой, чтобы порадовать родителей. Что-то вроде обряда для всех богатых мальчиков: разозлить папу знакомством с девочкой из муниципального района и трахнуть ее пару раз, просто для галочки.

В общем, Мартин положил на меня глаз и решил добиться своего любым способом. Это пуга?ло.

Тем временем я, морщась, наблюдала за тем, как он пробирается сквозь трудности юридической школы, выполняя необходимый минимум заданий. Будучи выскочкой, он ставил под сомнение способности и авторитет преподавателя, в то время как нормальные студенты вжимались в стулья от ужаса. Мартин никому не нравился, так что я не представляю, откуда бралось его высокомерие.

– А вы не рассматривали вопрос с другой стороны, мистер Флетчер? – дерзко спрашивал он, откидываясь на спинку стула.

Сомневаюсь, Мартин, что ты знаешь предмет лучше, чем наш преподаватель – практикующий барристер с семнадцатилетним опытом работы. В общем, девизом Грегга было: «Не можешь ослепить людей знаниями, ослепляй их бредом».

* * *

Апофеозом стал тот вечер, когда мы отмечали сдачу последнего экзамена. Отмечали заслуженно после года упорного труда. Бесконечные семинары, долгие ночи в библиотеке, слезы, пролитые перед устными экзаменами, – вдруг перенервничаешь так, что начнешь запинаться?

Как только все это закончилось, мы всем курсом завалились в бар «Юнион».

Мы выжили.

В баре громко играли популярные летние песенки, солнце проникало внутрь сквозь большие окна, и нас накрыло опустошение, которое приходит сразу после сессии.

И тогда вошел он.

Не имея друзей, Мартин просто присоединился к какой-нибудь группе, опрокидывал виски с колой и покупал всем выпивку, чтобы понравиться, а те изо всех сил пытались от него сбежать.

Через несколько часов пьяный и еще более мерзкий, чем обычно, он поймал меня у бара, где я ждала свой коктейль.

– Ну что, Аманда, будешь по мне скучать? – спросил он, упершись локтем в барную стойку – видимо, считал, что в этой позе выглядит классно и сексуально. В его вопросе не было и тени иронии.

– Э-э, нет, – сказала я и отодвинулась в сторону, глядя прямо в сторону бара.

– Да ладно, конечно, будешь. Мы так и не успели узнать друг друга получше, правда? – прошептал Мартин мне на ухо и схватил меня пониже спины.

Я развернулась к нему.

– Точно, Мартин, так и не успели, – процедила я, с силой убирая его руку. – Но если ты еще раз до меня дотронешься, я тебя на хрен убью. Понял?

Он отошел, не сводя с меня глаз. Его противное лицо исказилось, широкие черные брови стали похожи на двухдохлых гусениц. Мартин выглядел шокированным и раздраженным: вероятно, считал свое поведение совершенно нормальным, а мою реакцию чересчур острой.

– Любишь же ты дразниться, Аманда... – бросил он.

– В каком смысле? – крикнула я.

– Весь год играла со мной в кошки-мышки...

– Постой-ка, Мартин! Давай все проясним... – Я подняла руки, как бы говоря «спокойно», но мой голос звучал все так же громко. И он меня еще обвиняет в том, что я его соблазняю? – Не было НИКАКИХ игр. Я тебя презираю. Ты так в себе уверен? Считаешь, что тебя хотят все девушки? Что ты такой неотразимый?! – Я расхохоталась ему прямо в лицо. Ну, правда, нелепо. Он просто смешон.

– Ты хоть понимаешь, кто я такой?! – парировал Мартин тоном кинозвезды. – Посмотри на себя, а потом на меня. Радуйся, что я вообще обратил на тебя внимание. Обычно я с такими даже не разговариваю. Завел беседу только потому, что задница у тебя вроде ничего, хотя на этом твои достоинства и заканчиваются. Скоро вернешься в свой муниципальный райончик, где тебе и место...

Мне стало действительно неловко за него.

Заинтересованная нашим «спектаклем», вокруг собралась публика, а мы даже не заметили. Здесь только один выставлял себя на посмешище, и это была не я.

Я рассмеялась. Мартин на самом деле считал себя лучшим. Всю жизнь ему внушали, что он может получить все желаемое, а теперь не вышло. Он был в ярости.

– Чего ржешь? – неприятно закричал он. – Смешно, что тебя ничего не ждет в будущем? Думаешь, тебя кто-нибудь возьмет в адвокатскую контору? Зря теряешь время, детка...

– Мартин, – ответила я снисходительным тоном. – Весь год мне ставили самые высокие баллы в группе. Я получила две стипендии. Добилась – трудом, а не деньгами – собеседования в лучшей адвокатской конторе на северо-востоке страны. А тебе повезет, если ты вообще закончишь курс. Теперь объясни, чем ты лучше меня?

* * *

Тогда он и назвал меня гребаной сукой.

– Ужасно, да, Мартин, когда не все получается купить? – не унимаюсь я. Надо бы заткнуться, однако в крови разыгрался алкоголь и захотелось высказать ему всю правду в лицо. – Хорошие оценки, приглянувшемуся девушку. Жизнь – дерьмовая штука, правда?

Мартин обводит взглядом бар – лица посетителей сейчас вместо тысячи слов. «Ты заслужил», – написано на них.

– Ты об этом пожалеешь, Аманда. Зря выставила меня дураком. – Грегг протискивается к выходу.

Я рада, что вижу его спину.

Все подходят и спрашивают, в порядке ли я. Со мной все хорошо. Слава богу, больше никогда не увижу этого мерзкого придурка.

Глава 5

Отвратительно. Просто отвратительно.

Каким-то чудом удастся пережить «знакомство», не выдавая нашего «прошлого» (то есть того факта, что Мартин – надоедливая зараза). Он же крайне доволен собой и говорит:

– Скорее бы поработать с тобой в профессиональных рамках.

Говорит довольно искренне.

Я нахожу предлог уйти, мол, завтра вставать ни свет ни заря. Мне требуется срочно выпить с Хайди.

– Почему бы тебе не рассказать всем, что он настоящий выскочка, которого на курсе терпеть не могли? – наивно предлагает подруга, сделав большой глоток чилийского красного вина. Стоит теплый сентябрьский вечер, мы пришли в один из супермодных баров с видом на реку.

– Меня сочтут злобной стервой! Видела бы ты, Хайди, как они собрались вокруг него. Мартин их уже одурачил, – жалуясь я, вздохнув для пущего эффекта. – Поверить не могу, что он так поступил. Испортил такой важный день в моей жизни!

– Мэнди, вечно ты делаешь из мухи слона! – заявляет Хайди (легко ей говорить). – Не обращай на него внимания, и все. Он еще проявит свою истинную натуру. Чего ты так разволновалась?

Не знаю, что сказать. Если честно, сама не понимаю, откуда столько переживаний. Боюсь, что насквозь фальшивый Мартин украдет мой успех?

– Думаешь, он сумеет впечатлить контору и получить должность? – добавляет Хайди.

– Не глупи. Ничего такого я не думаю.

Как Хайди вообще могла такое ляпнуть?

Однако именно эта мысль и крутится у меня в голове.

На стажировке в любом случае будет тяжело, а теперь еще и он. Мартин явно околдовал коллегую, чтобы попасть в контору. Околдовал или подкупил.

Что ж, придется с этим смириться.

– Спокойствие. Мартин – тот еще трепач. Через пару недель его раскусят. Это не самое худшее, что могло случиться в первый день. В остальном, я так понимаю, все прошло хорошо? – замечает (вполне справедливо) Хайди.

– Да, конечно. Но боже мой... Мартин Грегг! – с отвращением и удивлением восклицаю я, морщась. В этот момент Хайди сует мне в руку бокал.

- Стажировка - не предел! - придумывает тост подруга.

- Точно. И пусть победит лучшая женщина! - Наши с Хайди бокалы со звоном сталкиваются в воздухе, и я с улыбкой отпиваю вина.

После первого бокала мы переходим ко второму, а также к более приятным темам - вроде Секси-Сида. Как только Хайди поняла, что речь идет о классном мужчине, то сразу заинтересовалась. Сидит и молча слушает, не сводя с меня больших карих глаз. Прерывает мое описание, только чтобы задать важные вопросы, например, «смотрел ли он на тебя дольше чем нужно?», «есть ли у него обручальное кольцо?» и «как думаешь, он развратник в постели?». Ответы были, соответственно, «не знаю», «нет» и «ДА».

Хайди отлично меня знает и всегда умеет развеселить, когда я жалуясь на проблемы с парнями. За это я ее и люблю. Помню, в универе меня бесцеремонно бросил парень, по которому я сохла. Хайди стащила мой айфон и создала плейлист под названием «Придурок» - там были воодушевляющие песни Бейонсе, Пинк и Уитни Хьюстон. Неделю я слушала их на повторе и совершенно забыла о том неудачнике. Зачем Хайди вообще тратит свое время на адвокатуру? Этой женщине точно надо стать персональным наставником.

Правда, рассказывая Хайди о Сиде, я прекрасно понимаю, что все это звучит как болтовня школьницы. И отчетливо осознаю, что между мной и им ничего быть не может, среди прочего - из-за Скайлара, который прийдет меня, если узнает, что я коснулась божественных губ Сида. Романтические отношения с коллегой - всегда плохая идея, не говоря уже о том, когда от объекта желаний зависит твое будущее, твой результат после собеседования длиною в год. Предвыборной кампании, как выразился Скайлар. Шоу талантов.

День выдался долгим, и на втором бокале вина мы закругляемся. По дороге домой обсуждаем работу Хайди. Она начала стажироваться неделю назад и уже нагнала страха на остальных учеников. Хайди - беспощадный коммерческий солиситор[3 - Солиситор - адвокат, занимающийся подготовкой судебных материалов для барристеров.], который обожает свое дело. Она лучше продаст душу дьяволу, чем будет иметь дело с преступниками; ей нравятся клиенты чистенькие, не воняющие мочой. Вполне разумно.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь полной оптимизма. Быстрым шагом иду на работу. Даже не иду, а лечу. Я сильная женщина, уверенная в своих способностях. Если Мартин Грегг хочет сразиться, я устрою ему борьбу. Подумаешь, первый день прошел не так, как я ожидала. Сегодня все будет по-другому. Я сосредоточенна и готова взяться за задания.

Прихожу в 7.25 – в конторе пока никого. Иду в библиотеку и просматриваю материалы по делам, которые дал мне Скайлар. Время летит незаметно, на часах уже 8.45, а я еще никому не приготовила кофе.

Черт!

Бегу на кухню – Мартин выходит с подносом дымящихся чашек.

– Прости, детка, этим должна была заниматься ты? Я бы не вмешивался, но люди стали спрашивать, когда принесут кофе...

Господи, как же я его ненавижу.

– Ничего страшного, Мартин, – говорю я с деланой улыбкой. – Только не называй меня деткой.

– Ага, – ухмыляется он и несет напитки.

Да кем он себя, черт побери, возомнил? Идеальным мальчиком на побегушках? Мысленно проклиная себя за то, что не пришла на кухню раньше. Завтра обязательно исправлюсь. Такие ошибки во второй день недопустимы.

– А, вот еще что, Аманда... – язвительно добавляет Мартин.

Я замираю и оборачиваюсь. И что этот проныра собирается мне сказать?

– Я предупредил тебя. Жаль, ты ведь так старалась, чтобы попасть сюда, а теперь сойдешь, чуть-чуть не добежав до финиша...

– И поэтому ты здесь? Чтобы увести должность у меня из-под носа? Боже, как ты жалок... – говорю я.

– Мне не важно, где именно работать. Вот и подумал, что заодно проучу тебя. Что-то вроде бонуса, – объясняет Мартин.

Господи, высокомерие из него так и прет.

– Мартин, если за последние четыре месяца у тебя не выросли мозги, то я ничуть не обеспокоена. И я в курсе, что в контору ты попал не самым честным путем. Интересно, у кого из коллегии был должок перед твоим отцом? – с сарказмом спрашиваю я.

От злости Мартин впивается в поднос с такой силой, что тот начинает трястись, а костяшки пальцев белеют. Вид он при этом сохраняет спокойный.

– Все хорошо? – спрашивает Скайлар, уже в шляпе и пальто.

– Да, Ричард, я готова идти. – Я беру сумку, и мы отправляемся в Суд короны.

* * *

Оказывается, в одном из сегодняшних дел Скайлара ответчиком выступает Сид Райдер. Я думала, это вызовет некий конфликт интересов, но, видимо, подобное здесь не новость.

Мы идем выпить кофе в адвокатском кафе, оппоненты Ричарда подходят поболтать о делах. Я просто сижу, стараясь выглядеть умной и смышленной, молчу... парик все еще кажется нелепым.

А вот и Сид. Он располагается рядом со Скайларом, напротив меня. Пытаюсь отвести взгляд.

Не пялься на его лицо. Или глаза.

Или губы.

Вид у него важный. Как у мужчины, который требует к себе уважения и заслуживает его. Сид полон уверенности, но не высокомерен. Пользуется популярностью, но не заносчив. Глядя, как он обсуждает со Скайларом меру наказания, я хочу лишь одного – чтобы он стянул с меня трусики. Слишком поздно осознаю, что откровенно рассматриваю Райдера, а это не самая лучшая тактика. Отвожу глаза, пока он не заметил, как я пускаю на него слюнки. Сегодня у него небольшая щетина. Он хоть представляет, как это действует на женщин? Скорее всего, да.

– Как успехи? – спрашивает Сид с улыбкой, в которой как бы кроется намек: «Я видел, что ты на меня смотрела».

– Отлично, спасибо! – отвечаю я и опускаю голову, чтобы записать какую-то ерунду в синем блокноте – делаю вид, что занята. Однажды мне дали мудрый совет: учеников должны видеть, но не слышать. Меня это устраивает. Чем больше молчишь, тем меньше шансов разозлить кого-нибудь. На Мартина это правило, разумеется, не распространяется. Мы пробыли в конторе совсем немного, а он уже ладит с людьми намного лучше меня.

Утром я видела его с наставником, ненавистным Долусом, который рассказывал ему о скучнейшем отпуске, проведенном на яхте. Грегг смотрел на него, округлив глаза («Я так хочу вам угодить», – говорил его взгляд), и, похоже, это работало. Я пообещала себе не прибегать к подобным тактикам. Заново объявившись в качестве «Марти», он старался показать себя крутым (не выйдет). И это раздражало.

* * *

К обеду Скайлар снова расщедрился, и мы идем в небольшое бистро рядом с конторой.

– Итак, с кем из коллег ты уже успела пообщаться? – спрашивает он, чавкая супом.

– Ну, удобных моментов было не так уж много...

– Все равно надо находить время. Не забывай... предвыборная кампания. Общение очень важно.

Я бы нашла время, не завали ты меня работой.

– Сид вроде милый, – как бы невзначай бросаю я перед тем, как впиться в панини с ветчиной и сыром.

– О боже, – ворчит Ричард, закатывая глаза. – Послушай, Аманда, послушай меня очень внимательно. – Скайлар принял серьезное выражение лица и даже отставил кофе. – Ты не первая, кто запал на Сида Райдера, и, поверь мне, не последняя.

– Но... – перебиваю я.

– Знаю, знаю... он такой обходительный, с проницательным взглядом, дерзкой улыбкой, не говоря уже о его уникальном стиле адвокатской работы... – Кажется, Скайлар заинтересован Сидом куда больше меня, и от этого становится жутко неловко. – Однако для тебя близкие отношения с коллегой на данном этапе – это, считай, профессиональное самоубийство. – Ричард наградил меня сердитым взглядом, а последние его слова повисли в воздухе, что еще больше подчеркнуло их важность.

– Ричард, уверяю вас – я не питаю никаких чувств по отношению к Сиду и не намерена делать ничего подобного в течение всей моей стажировки. Кроме того, он ведь совсем недавно расстался с девушкой? – спрашиваю я, хотя и так знаю ответ.

– С Клариндой? Да, они были очаровательной парой, а потом в какой-то момент все пошло наперекосяк. Сид – мой бывший ученик, он дорог мне, но парень – тот еще повеса. Обязательно начнет с тобой заигрывать, и я советую не поддаваться его чарам. Последствия тебе известны...

А как же.

К счастью, от неловкого разговора меня спасает молодая брюнетка, которая подходит к Скайлару. Я бы назвала ее фигуристой или даже аппетитной.

Высокие каблуки (выше, чем у меня!) подчеркивают изгибы ее тела; костюм с невероятно короткой юбкой и колготки с узором, похожим на ползущих змей. На лице такой слой тонального крема, что можно четко увидеть, где начинается кожа без макияжа.

– РИЧАРД! КАК ДЕЛА? ВСЕ ПРОШЛО УСПЕШНО? – вопит брюнетка.

Такого дурацкого голоса я еще не слышала. На крик брюнетки оборачиваются посетители кафе – видимо, желая посмотреть, кто издает такой отвратительный звук. Акцент ужасный: она подражает говору аристократов и выразительно произносит каждое слово. Незаметно бросив на меня взгляд, Скайлар вскидывает брови.

– Энджела, познакомься с нашей новой ученицей. Это Аманда, – представляет меня Ричард, не обращая внимания на вопросы брюнетки. Энджела вдруг злится, и улыбка (фальшивая) исчезает с ее лица.

– Ричард! Ха-ха-ха-ха! КАКОЙ же ты забавный! Сколько раз тебе надо повторять?! – верещит она, а затем протягивает мне ладонь для рукопожатия. – Здравствуй, Аманда, вообще-то мое имя произносится Анжела, с ударением на Е, почти как Найджелла. Анжела Уэйтс. Рада знакомству.

Я жму ее руку и говорю (хоть это и неправда), что тоже рада познакомиться.

– Ох, Ричард, у меня сегодня такой тяжелый день. Приехала пораньше в суд, а там узнала, что мой клиент...

Она не унимается и продолжает болтать. К тому времени, когда Анжела замолкает, я успеваю не только доесть панини, но и выпить кофе – и вообще уже пора возвращаться в контору.

– ...так что в итоге слушание отложили, и завтра придется идти опять! Ну не кошмар, а?

– Чудовищно, Энджела, – с сарказмом отвечает Скайлар, по-прежнему неправильно называя ее имя (ха-ха!). Поняв, что здесь она утешения не получит, Анжела уходит к своим «девочкам» – кучке безукоризненно ухоженных женщин,

собравшихся в центре зала.

- Ну, как тебе Энджела? - спрашивает Скайлар.

Хотела бы я знать, не с подвохом ли вопрос, ведь единственным правильным ответом может быть только: «Она фальшивая и ужасно раздражает».

- Она кажется... полной энтузиазма, - говорю я.

- Что ж, у нее ты можешь многому научиться. Например, никогда не говорить с таким наигранным акцентом - иначе я сам его из тебя выбью, понятно?

- Да, - хихикаю я.

- Также тебе стоит знать, что она состоит в скандально известном клубе «Горячие барные стервочки», - предупреждает Ричард. Он бросил взгляд на кудахтающую группку, даже не повернув головы.

- Каком-каком клубе?

- Это такое сообщество женщин, основанное много лет назад. Каждую пятницу они куда-нибудь выбирают, а их группа носит название...

Какой ужас.

- Серьезно? Не может быть... - усмехаюсь я.

Скайлар морщится.

- По-моему, они даже им гордятся. Название отлично отражает их суть. В общем, в этом клубе состоит Энджела, а еще Кларинда...

Я тайком оборачиваюсь: действительно, вот она, бывшая Сида Райдера. Только сейчас она не выглядит угрожающе собранной и спокойной, а оживленно о чем-то рассказывает, размахивая руками и округляя глаза. Кажется слегка ненормальной.

– Человек пять-шесть, – продолжает Ричард. – Влиятельные, очень стервозные – одним словом, женщины, с которыми лучше не ругаться. Будь начеку.

– Хорошо, поняла. «Горячие барные стервочки», господа, надо же такое придумать, – шепотом добавляю я.

– Понимаю, Аманда, понимаю...

– Есть и мужской вариант клуба? – спрашиваю я, хотя от одной мысли об этом становится тошно.

– А ты как думаешь? Естественно... – смеется Скайлар.

* * *

На обеде мы долго не задерживаемся. Похоже, Скайлар из тех, кто всегда найдет тебе работу, даже если ты уже переделал все дела.

По дороге к выходу вынуждены пройти мимо «Горячих барных стервочек» – восседая на высоких табуретах, они наверняка сплетничают о какой-нибудь невинной бедняжке. Прямо как компашка вредных девчонок, которая есть в любой школе. Судя по их виду, каждую неделю ходят в спа-салон, пьют шампанское в джакузи и вынашивают тайный заговор против ненавистных им людей.

Я иду впереди Скайлара, он говорит мне что-то, и я оборачиваюсь. Волосы вдруг цепляются, и я вскрикиваю.

Ну конечно, всему виной пуговица на манжете пиджака Кларинды. Кто бы сомневался.

ТВОЮ МАТЬ.

– Детка! Ты в порядке? – спрашивает Кларинда крайне снисходительным тоном. – Какой ужас! Я же не вырвала твои накладные пряди? – Я наклоняюсь, чтобы распутать волосы, а ее «стервочки» смеются. Драматичная сцена.

Хочется врезать ей прямо по лицу.

Возня с волосами жутко меня разозлила.

Спокойно. Она изображает любезность? Подыграй.

– А, да ничего страшного! И вообще-то это мои натуральные волосы. Никакого наращивания, – говорю я с милейшей улыбкой.

Даже Скайлар чувствует, что обстановка накаляется, и поэтому спешит сказать:

– Слава богу, разобрались. Идем, Аманда. – Он прямо-таки выталкивает меня из-под линии огня.

Посмотрев на меня пару секунд, Кларинда восклицает:

– Выглядят ПОТРЯСНО! Мне бы не подошел такой... вульгарный цвет. Он мало кому идет. Думаю, надо быть особенным человеком, чтобы он смотрелся на тебе так хорошо... и естественно.

Вот и конец любезностям. Скайлар явно посылает мне телепатические сигналы: «Не связывайся с ней!», однако Кларинда зашла слишком далеко. Ричард смотрит на меня с тревогой, будто я дикий зверь, которого нужно укротить.

Я отвечаю саркастическим смехом.

– Не-е. По-моему, всем хорошо со светлыми волосами... хотя только особенному человеку подойдут обесцвеченные волосы. Очень яркий образ. В общем, извините, что отвлекла вас от обеда! Пока! – Я быстро зашагала к выходу, надеясь, что Скайлар следует за мной.

Оказавшись на улице, я жду, что сейчас он прикажет мне собирать свои вещички и убираться ко всем чертям из конторы, так как подобное агрессивное поведение непозволительно. Ричард встает напротив и, слегка наклонив голову и прищурившись, рассматривает меня, словно желая лучше понять. Понятия не имею, что будет дальше, поэтому отвожу глаза.

– Ты совсем не боишься других людей? – слегка изумленно спрашивает он.

– Таких, как эти, – нет, – игриво отвечаю я.

– Я по-другому представлял твою первую встречу с ними, но должен сказать... ловко, очень ловко, – с усмешкой добавляет Ричард.

Я улыбаюсь в ответ и понимаю: как бы сильно он ни нагружал меня работой, Скайлар на моей стороне.

* * *

Рассказывать Хайди о «стервозном собрании» было очень весело. Делая гневное лицо, она время от времени выкрикивала: «Вот стервы!»

– Знаешь, тебе стоит действительно прицепить накладные пряди – только представь, как выпучат глаза эти воображалы! – со всей серьезностью предложила Хайди, и на мгновение я даже задумалась над этой идеей.

В итоге мы пришли к выводу, что вдобавок к парикку подобное будет слишком (все равно что скрестить красотку из реалити-шоу с барристером из «Судьи Рампола»).

После бурного обсуждения я едва удержала подругу от необдуманного решения – она собиралась найти Кларинду в соцсетях и все ей высказать.

– Мэнди, нельзя терпеть такое поведение. Они ведь просто завидуют, – внушает Хайди, наливая мне вина.

– Да, это тяжело, – подтверждаю я. – К тому же Скайлар предупредил, что надо держать себя в руках, и он прав. От этого зависит моя карьера. – Я делаю большой глоток и вытягиваюсь на диване.

– Тогда просто старайся избегать их. Хочешь, будем вместе ходить на обед? – предлагает Хайди. – Как я могу оставить тебя среди этого кошмара без моральной поддержки.

Я улыбаюсь. Знаю, она пытается помочь, но я должна справиться сама. И от этого никуда не деться.

– Спасибо, дорогая. Не волнуйся, Скайлар за меня заступится, да и одного язвительного замечания о волосах недостаточно, чтобы меня подкосить, – со смехом уверяю я подругу, надеясь, что так оно и есть.

Глава 6

Оглянуться не успела, как прошел первый месяц стажировки.

Я таскалась по всем Судам короны, расположенным в северной части страны, выполняла задания для Скайлара и... в общем-то все. Я пыталась интегрироваться в жизнь конторы, но Марти в деле – это нечто. Он прямо-таки соблазняет всех членов «Афины» (в профессиональном смысле), и я понятия не имею, как у него это получается. Марти находит их слабости и использует в своих целях. Наблюдать за таким – настоящее мучение. К примеру, на прошлой неделе я услышала, как Ливви, барристер из нашей конторы, жаловалась Мартину, что не смогла достать билеты на свой любимый балет. Тот с видом одновременно самодовольным и сочувствующим («Сейчас я исполню все ваши мечты», – было написано у него на лице) сообщил, что его мать состоит в Совете по искусству чего-то там в Лондоне и он с «огромным удовольствием» достанет билеты.

Что. За. Чертов. Урод.

* * *

Все адвокаты Ньюкасла с нетерпением ждут этого октябрьского дня, потому что среди других юридических центров северо-востока настала их очередь устраивать «Стол». Хотя Скайлар мечтает оказаться в любом ином месте на земле, лишь бы не здесь, он все же берет меня с собой. Говорит, я «готова» – что бы ни значили его слова.

«Стол» – официальный традиционный ужин с кучей барристеров и устрашающих на вид судей. Если верить рассказам, очень веселое сборище, где вино льется рекой. Для малыша-юриста вроде меня все это кажется пугающим, ведь я буду вынуждена употреблять алкоголь и в результате могу так расслабиться, что начну обсуждать новую серию мыльной оперы «Холлиокс» с членом Высокого суда.

От новичков, то есть от нас с Мартином, ожидается, что мы придем с наставниками. Дресс-код: «строгий костюм» для женщин и «пиджачная пара» для мужчин. Неужели кто-то еще выражается такими словами? Согласно неписаному правилу, ученики не платят за ужин, но Скайлар, как всегда, устроил целую сцену – достал чековую книжку, пробормотал что-то себе под нос (я расслышала только «чертовы традиции»), затем с силой выдрал чек и отдал мне, чтобы я отнесла его секретарю.

Мне сказали, что все из конторы собираются в баре «Нево» в 18.30, однако, когда я пришла туда в 18.20, Марти и его обожатели уже были на месте – сидели все вместе в отдельной кабинке. Грегг устроился посередине и выглядел довольным, как объевшийся сметаны кот.

– Мэнди, приве-е-ет! Наконец-то Скайлар снял с тебя поводок! Не расскажешь про свои танцы на Иблице? – обращаясь ко мне, барристер Бомонт (в дедушки мне годится) подмигнул, а значит, его вовсе не интересовали детали моей работы. Скорее, он хотел намекнуть, чем именно я занималась, в его понимании, то есть трясла грудью перед зрителями, красиво размахивая блестящими веерами – или что-то вроде того. Даже представить страшно.

– Да, Аманда! Покажи нам хоть чуть-чуть! Считай, это такое посвящение! – завопил Перси Как-его-там под аплодисменты своей «Команды плохих парней».

К счастью, в этот момент появился Скайлар и повел меня к бару. Выпить мне и правда не помешало бы.

* * *

«Стол» проводили в джентльменском клубе «Либерти». Снаружи он выглядит вполне обычно, однако внутри все совсем иначе: величественная лестница,

бесконечные люстры и узорчатые ковры, которые, наверное, лежат здесь с незапамятных времен.

Ужин подают в просторной столовой, где уместается несколько больших круглых столов. Садиться можно где угодно, но вот ВХОДИТЬ в помещение надо в определенном порядке.

Я и не сомневалась.

– Вход исключительно по старшинству, – замечает Скайлар, словно в этом нет ничего необычного.

Люди становятся в очередь. Старички, работающие в конторе уже лет сто (судя по их виду), чинно собираются у двери, их взгляды полны чувства собственного достоинства. Я плетусь в самом конце, а середину занимают люди среднего возраста.

Мужчина, которого я раньше не видела, подходит к началу очереди и три раза стучит по полу чем-то вроде скипетра. Хохот и болтовня резко обрываются. Мужчина велит: «Подать ужин!» – и все заходят в зал, высматривая лучшие места.

Мартина, естественно, зовут к себе его дружки-обожатели. Скайлар выбрал столик хуже некуда, но выбора почти не осталось, и нам пришлось присоединиться к Анжеле и ее «Горячим барным стервочкам» (в составе Флик, Джаз, Лотти и пассивно-агрессивной Кларинды), а также некоему Руперту, который явно наслаждается женским обществом. После происшествия с волосами я стала для «стервочек» врагом номер один, поэтому, встретив меня, они либо включают игнор, либо хихикают (Анжеле все же приходится общаться со мной по работе, хотя я уверена – она лишь выведывает информацию и сообщает остальным). К счастью, разговора с ними удастся избежать, так как я втиснулась между Рупертом и Скайларом.

Анжела вся на нервах. Она вступает в судебный округ, то есть фактически становится членом Северной организации барристеров. Вот так. Однако коллегия адвокатов не может упустить случай покрасоваться, так что Анжеле нужно следовать традициям самого нелепого мероприятия в мире.

После ужина ей придется произнести речь о намерении стать уважаемым членом округа, стоя на стуле на одной ноге, а потом осушить свой бокал. По обычаю выступающий приглашает всех своих друзей, и те своими выкриками пытаются ему помешать. Собьешься – и все начинается сначала.

Я страшно опозорилась во время одного обеда в комнате отдыха, на четвертой неделе стажировки. Анжела рассказывала про эту дурацкую традицию, а я, как и любой нормальный человек на моем месте, подумала, что это шутка. Звучит как совершеннейший абсурд, поэтому я рассмеялась и ляпнула:

– Боже, только представьте, если бы это было правдой! Как напыщенно!

Все в комнате тогда замолчали и уставились на меня. Все, кроме Скайлара, который сделал глубокий вдох и поморщился, глядя на принесенный из дома сэндвич. Я тоже заткнулась и уже без улыбки спросила:

– Такая традиция существует?

На что Долус хмуро ответил:

– Подобные обычаи воспринимаются со всей серьезностью в нашем мире, Аманда. Если хочешь стать его частью, не высмеивай их.

Явный намек на то, что «мой» мир слишком далек от «их» мира.

Я не знаю, что выпить, боюсь, что захочу в туалет, а в ближайшие три часа, как сообщил мне Руперт, выходить из зала нельзя.

– Почему? – интересуюсь я.

– Традиция, – как ни в чем не бывало отзывается он.

Ну конечно.

– Но если будет совсем невтерпеж, надо попросить разрешения у младшего сотрудника округа, – добавляет Скайлар.

Тоже традиция, как я понимаю.

* * *

Беседа за столом в ожидании ужина невероятно далека от меня. Руперт рассказывает о недавно родившемся ребенке («его зовут Максимилиан, а не Макс») и о том, как они с женой подыскивают новый дом.

– Амели не понравилось ничего из того, что мы посмотрели, вот в чем проблема. Спешить в таких делах не стоит, и мы решили арендовать жилье, пока не найдем идеальное место.

– Все верно, Рупс. Снимаете где-то рядом? – интересуется Флик.

– Да. Небольшой сельский домик, всего шесть спален. Земли хватает для лошадей Амели. Все очень просто. Уверен, что однажды мы найдем «тот самый» дом.

Народ улыбается, как будто это совершенно нормально – ждать дом будто чашку чая в кафе.

Нет у меня ничего общего с этими людьми.

Я бы предпочла есть в тишине, но Анжела громко заявляет о своих (надуманных) переживаниях по поводу речи на стуле.

– Ох, представляете, как будет стыдно, если я запнусь и придется говорить все сначала?

«Похоже, ты на это и рассчитываешь», – едва не добавляю я. «Шабаш» (отсюда и далее буду называть их именно так) хихикает и хором оказывает поддержку:

– Жела, не волнуйся, мы с тобой! Мы твои лучшие подружки!

«Жела» воспринимает все очень серьезно: она закрывает глаза, сжимает кулаки и, к изумлению Скайлара, который бросает на нее презрительный взгляд, драматичным шепотом повторяет свою речь. Руперт потакает Анжеле, ловя каждое ее слово, – видимо, хочет понравиться «ведьмам».

И Скайлар, и я ужинаем молча, не обращая внимания на шумную болтовню, принимать участие в которой не собираемся. Я смотрю на часы – только 20.37, значит, домой еще не скоро – впереди две перемены блюд и речи восьми барристеров, вступающих в округ. Ради этой профессии приходится жертвовать многим.

Подают новые блюда, вино льется рекой, гул болтовни становится все громче. То и дело раздаются взрывы смеха. В зале горят свечи, а потому неудивительно, что при таком количестве человек температура только растет (к тому же в соответствии с идиотской традицией двери в помещение должны быть закрыты).

Все начинают снимать пиджаки, что женщинам только на руку – можно расстегнуть верхние пуговицы и продемонстрировать декольте. Мужчины в восторге и ничуть не торопятся домой. Кроме Скайлара. Мой наставник смотрит на часы, будто заклиная время идти быстрее. Я его понимаю.

– Нужно просто потерпеть, Аманда, – говорит он. – Некоторые люди отлично вписываются в подобную толпу, а некоторые – нет. Смирись и привыкай.

Ричард прав. Раз люди вокруг – это те, с кем мне приходится иметь дело и от которых зависит мое будущее, – надо с ними поладить. Не факт, конечно, что они не пошлют меня куда подальше.

В какой-то момент Анжела, заскучавшая среди преимущественно женской компании за нашим столом, подсаживается к соседнему, где устроилась «Команда плохих парней», и не слишком убедительно (зато громко) заявляет, что щель между ее передними зубами – признак «сексуальности и чувственности». И как мы раньше жили без этого знания?

Проходит целая вечность, прежде чем ужин заканчивается и наступает следующая часть церемонии – речи.

Рекордер Ньюкасла (старший судья города) долго и нудно разглагольствует о том, какая большая честь – вступить в округ. Бла-бла-бла... чувствовать, что занимаешь важное место в своей профессиональной области... бла-бла.

Точно.

Затем с длинной речью выступает гость, мистер Джастис[4 - Джастис (англ. Justice) – в переводе «справедливость».] Слиггенхайд (вот так имя), рассказывая, какой у нас замечательный регион и какое удовольствие руководить здесь судебными заседаниями... бла-бла. К этому времени все уже заскучали. Вино кончилось, в зале страшная духота. Весь воздух израсходовал на свою болтовню об адвокатской практике в провинции рекордер и член Высокого суда Как-Там-Его. Из-за нехватки кислорода народ едва не падает замертво, но двери наконец-то распахиваются (после целых двух часов!) и все выбегают подышать и сходить в туалет.

Я не спешу, потому что перспектива стоять в очереди в дамскую комнату с этими ведьмами вселяет в меня ужас.

* * *

Я возвращаюсь в зал и вижу – принесли еще вина, а вступающие в округ готовятся к церемонии.

Глава пирушки» встает и вещает о чем-то совсем не смешном, однако всем так весело, что, по всей видимости, только я одна и не понимаю его шуток.

Новичков округа вызывают по алфавиту. Первым выходит парень из другой конторы. Его упорно перебивают, он запинается и начинает нести свою хрень с самого начала – и так раз десять.

– Вы тоже через это проходили, Ричард? – спрашиваю я, не представляя наставника на этом месте.

– Я отказался, – отвечает он.

– Разве можно отказаться? Вы же член округа.

– Правила для того и созданы, чтобы их нарушать, Аманда. – Скайлар улыбается и подмигивает мне.

К седьмому кандидату действие уже всем наскучило, людям не терпится поскорее уйти домой. Они и не догадываются, что худшее еще впереди.

– Восьмой, и последний кандидат на вступление в округ – Энджела Уэйтс, – объявляет Глава.

Та недовольно кричит:

– Анжела! Меня зовут Ан-же-ла!

Я и Скайлар молча обмениваемся взглядами.

Она с театральным видом допивает остатки вина и встает на стул, отчего задирается ее (и так короткая) юбка. Анжела делает несколько наигранно глубоких вдохов. Понимая, что к концу церемонии речи уже всех достали, она решает повысить ставки:

– Дамы и господа, меня несколько не пугают трудности. Именно поэтому, будучи последним кандидатом на вступление в округ, я заявлю о своих намерениях... на испанском!

Твою же мать!

И понеслось. Публика в восторге. Никакой наглости, как только Анжела перешла на неродной для себя язык. Закончив, она спускается со стула и изображает поклон – ей хоть прямо сейчас на сцену играть что-нибудь из Шекспира.

– Ну все, с меня хватит. – Скайлар бросает салфетку на стол. – Аманда, подбросить тебя домой?

– Да, спасибо, – отвечаю я, слегка переборщив с энтузиазмом.

Мы со Скайларом покидаем зал первыми и спешим к выходу. Закрывая за собой дверь, я чувствую, что кто-то сзади перехватывает ее. Оборачиваюсь и вижу улыбающегося Сида.

- Как твой первый «Стол», Аманда? - интересуется он.

- Незабываемый опыт.

- Хорошо сказано.

- Не думаю, что в ближайшее время захочу вступить в округ.

- Забавно! Ричард, а помнишь мою церемонию? - кричит Сид.

- Когда ты так напился, что упал со стула и сломал запястье? Как тут забудешь, - отзывается Скайлар.

- Речь я все-таки закончил... - гордо добавляет Сид.

- Ага... в машине «Скорой помощи», - неодобрительно перебивает Ричард.

- Серьезно? - изумляюсь я.

- Да. Во время стажировки от Сида были одни проблемы. Много раз собирался его выгнать, но вовремя остановился - он ведь, черт возьми, один из лучших барристеров, которых я встречал.

Не каждый день услышишь такое от Скайлара. Раньше он никого так не хвалил.

- Да ладно, Ричард. Не так уж со мной было и трудно, - иронично замечает Сид.

Скайлар награждает его убийственным взглядом, а Сид только дерзко улыбается в ответ.

- Еще как трудно. Мне ВСЕГДА попадаются проблемные ученики...

- Э-э, как это понимать? – спрашиваю я с притворной обидой.

- Вы оба хороши, – с беспокойством отвечает Скайлар.

Мы с Сидом переглядываемся.

- Ладно, Аманда, пошли. Завтра рано начинаем, – Скайлар показывает на машину.

- До завтра, – прощается Сид. Может, все дело в освещении – вечер, звезды и все такое, – но, боже, он выглядит фантастически. На нем костюм-тройка без галстука. Глаза блестят. Я смотрю ему вслед с дурацкой улыбкой.

- Даже не думай, Аманда. – Скайлар портит весь момент.

- О чем вы?!

- Я видел, как ты на него смотрела.

- Ничего подобного.

- Я тебя предупреждал, – отцовским тоном произносит он.

- Ох, Ричард, ну серьезно. Хватит уже. Я не какая-нибудь там влюбленная девчонка. Я умею контролировать чувства и не намерена вешаться на коллег.

Надо запомнить эти слова и записать в раздел: «Мне не нравится Сид Райдер» – и другое вранье для наставника.

Когда Скайлар находит штраф за парковку, тема естественным образом меняется. Ричард вне себя от гнева. Он ненавидит раскошелиться, особенно в тех случаях, когда платы не избежать. Трындит об этом всю дорогу до моей квартиры, а на прощание рявкает, чтобы я была в конторе «К СЕМИ!», потому что ранним утром у нас важное слушание.

Я валюсь в кровать уже ближе к полуночи, вымотанная физически и морально. Зато я многое узнала о своих коллегах, скрывающихся за париками и мантиями, о людях, с которыми я буду работать и которых нужно впечатлить, чтобы получить постоянную должность.

Глава 7

Не успеваешь оглянуться, как магазины заполняются хеллоуиновским барахлом, а я один за другим пью тыквенные латте. Около трех часов дня солнце заливает все вокруг прекрасным ярко-мандариновым светом. На набережной появился лоток, где продают картошку в мундире, жареные каштаны и другую еду, сопутствующую холодному сезону. Когда я вечером выхожу с работы, воздух полнится бесподобными ароматами.

Когда это вдруг пришла осень?

Что поразило меня в последние недели – количество испытаний, выпадающих на долю ученика, они просто бесконечны. Я не только хожу по судам, выполняю задания Скайлара и запоминаю имена всех вокруг (пока что осилила примерно восемьдесят семь процентов работников конторы, стыд мне и позор), но и посещаю разные учебные курсы. Судебно-бухгалтерская экспертиза, адвокатура, этика... какую дисциплину ни назови, по ней есть специальный курс, и проводят его, что еще хуже, в конференц-зале далеко от работы, а остальные стажеры только и хвалятся, кто из них самый умный/громкий/раздражающий (это всегда Марти).

К концу октября я успела побывать на трех курсах и теперь жалею, что у меня нет пристрастия посерьезнее, чем вино, но не такого страшного, как, например, героин. Должно же быть какое-то средство промежуточной порочности... хм-м... может, абсент?

Кроме того, контора вынуждена подчиняться Совету адвокатов и соответствовать определенным требованиям для ежегодного набора учеников. На практике это значит, что необходимо поручать старшим членам организации различные задачи и обязанности.

Одним дождливым утром понедельника Скайлар притащил меня и Марти в переговорную, сел напротив и прожег нас гневным взглядом. Кажется, именно его назначили разбираться с жалобами.

– Ученики, – начал Скайлар, причудливо махнув рукой. Никогда не знаешь, к чему ведут его беседы. Сколько абсурдных разговоров я выдержала после «Стола»! Ричард откидывается на спинку стула, уже привычно складывает пальцы домиком под подбородком. – В давние времена, когда я только стал адвокатом, все происходило намного проще, чем сейчас. Не было необходимости в комиссии по стандартам и прочим. Если кто-то в конторе бросает на тебя кокетливый взгляд, выбор за тобой: либо трахайся, либо посылай на хрен... – Скайлар произносит последние два слова таким же едва слышным шепотом, которым моя мама говорит «лесбиянки», сплетничая о соседях. – Теперь же, оказывается, у вас есть всяческие права, и я здесь, чтобы рассказать вам о них.

Ну и ну! Подобную задачу следовало поручить кому угодно, только не Скайлару, однако раз это просто формальность, никто и не обеспокоен.

– Так вот, – вздыхает Ричард. – Как прямая, так и косвенная дискриминация по половому, расовому, религиозному или другим признакам НЕПРИЕМЛЕМА в нашей адвокатской конторе. Это недопустимо, – добавляет он. – Ясно?

– Да, – в один голос отвечаем мы с Марти.

– Отлично, едем дальше. Домогательства...

Боже, какое мучение.

– Естественно, запрещены сексуальные или иные домогательства как в пределах конторы, так и вне ее... – предупреждает Скайлар, глядя прямо на Марти, – но если вы стали жертвой подобного обращения, то первым делом должны сообщить своему наставнику, КРОМЕ тех случаев, когда сам наставник и совершает незаконные действия...

Господь всемогущий, я и представить не могла.

– ...тогда жалобу нужно направлять прямиком к председателю. Понятно?

- А если домогается председатель? - спрашиваю я из искреннего любопытства.

- Что? - сердито переспрашивает Ричард.

- Ну, вдруг это он теоретически совершил домогательство? Кому жаловаться в таком случае?

- Э-э, чисто гипотетически...

- Разве мы не должны знать? На всякий пожарный? - Не может ведь такого быть, чтобы Ричард Скайлар не нашелся с ответом?

На мгновение он выглядит озадаченным. Лучше не дурачиться на такую тему.

- Аманда, мистер де Суза - очень занятой человек, - резким тоном отзывается Скайлар. - У него есть дела поважнее, чем бегать за каждой юбкой в конторе.

- Хорошо. Я рада, что все прояснилось, - с улыбкой говорю я.

- Еще кое-что. Даже не указание... - Ричард произносит слово «указание» с презрением и машет рукой, будто отгоняя его от себя, - а благоразумный совет...

Я заинтригована. Есть что-то особенное в импровизированных советах от старших барристеров. Такое не узнаешь из книги, этому не научат в юридической школе. Знание передается от одного адвоката другому, из поколения в поколение и приходит лишь с опытом и годами тяжелой работы...

Воцаряется тишина, и мы с Марти оба подаемся вперед, а Ричард смотрит на нас по очереди и говорит.

- Не вздумайте трахаться со своими секретарями. Никогда.

Черт возьми. Как будто я собиралась.

- Я серьезно. Немало карьер загублено таким образом.

Скайлар поднимает брови, чтобы подчеркнуть важность ситуации, его глаза в очках с черной оправой кажутся огромными.

– Да, в конторе появляется новая симпатичная девушка или красавчик-секретарь, вы флиртуете, крутите любовь, возможно, что-то из этого даже получается, и все очень замечательно, пока один не бросит другого. И вот тогда все катится к чертям.

– Ричард, очень разумный совет. Как это глупо – подрывать свое положение в конторе, – выпаливает Марти.

Скайлар бросает на него многозначительный взгляд, как бы говоря: «Если кто и способен на подобное, так это ты», и не реагирует на слова стажера.

– Это ведь все очень важно, да, Ричард? – не унимается Марти. – Я только за.

– За что именно? – уточняет Скайлар.

– Ну, за правила, установленные комиссией по стандартам. Директивы, разнообразие... – саркастично добавляет Марти, посмотрев на меня.

– Простите, о чем вы?

– Я думаю, отличная идея – давать квоты на кандидатов из бедных семей. Они получают шанс попасть на стажировку. Постоянная должность им, конечно, не светит, но хорошо, что они могут хотя бы попытаться... – совершенно бесстыдно продолжает трепаться Марти.

Наградив его яростным взглядом, Скайлар возражает:

– Я не соглашусь, Мартин. Будь решение за мной, я бы избавился от квот. Они дают. Места должны выделяться по заслугам. Среди адвокатов слишком много самодовольных богатеев, которые оказались здесь только в силу своего происхождения. И большинство из них не заслуживают своей должности. Правда в том, что настоящий талант всегда пробьется, всегда...

Марти злится. Не понимаю, с чего он взял, что вправе бросить вызов Скайлару. В этом его проблема: считает себя умнее всех. Однажды (надеюсь) ему это выйдет боком.

Обожаю, когда Скайлар меня защищает. По телу разливается тепло, на глазах выступают слезы. Никто прежде не вызывал у меня таких чувств.

– Кстати, Мэнди, что-то я не видел тебя в субботу на гулянке по поводу пятидесятилетия Рафферти. Вся в работе? – интересуется Марти.

Я не понимаю, о чем речь.

– День рождения? Я и не знала... – Я смотрю на Скайлара, а тот бросает убийственный взгляд на Марти.

– Ой, как неловко. Просто я думал, что и тебя пригласили, раз там были все из конторы... – надменно говорит Марти.

– Чушь! – перебивает его Ричард. – Половину гостей составляли унылые друзья Рафферти по университету. Я из приличия побыл там пару часов, а затем ушел. Хорошо, что ты не отправилась туда, Аманда. Смотреть, как сохнет краска, и то веселее.

Я выдавливаю улыбку в благодарность Скайлару за то, что спас меня от унижения перед Марти. При этом чувствую себя так, будто меня пнули в живот. Когда исключают из компании – это ужасно. Да, там наверняка была скука смертная, но могли бы и пригласить.

– Что ж, вот и все, – резюмирует Ричард, вскакивая с места. – Аманда, у нас полно дел, но сначала сделай мне кофе. Вперед, Барби!

* * *

Спустя несколько дней Сид появился в библиотеке (без пиджака) и взволнованно поинтересовался, не занята ли я.

Ничего себе!

Как оказалось, ему срочно понадобилась помощь с изучением судебных решений по одному крупному делу – убийству! – где он выступал в защите вместе с де Сузой. Приступить надо было немедленно. Я спросила у Скайлара, можно ли помочь, и он разрешил – с условием, что я «потом не пойду праздновать» (то есть ни с кем не пересплю).

Сидя в большом переговорном зале со старшими адвокатами в окружении книг и папок, я чувствовала себя настоящим барристером. За окном стучал дождь. Прямо сцена из фильма. Я заскочила в библиотеку, чтобы достать еще материалов, а Марти подкараулил меня – ему не терпелось узнать, чем это я занимаюсь. Я едва не рассмеялась ему в лицо, увидев, как далеко он зашел в своих отчаянных попытках понравиться мужчинам из конторы. Он начал укладывать волосы гелем. Пользоваться такими средствами (да и многими другими вещами) Марти явно не умеет, а потому его прическа выглядит как липкое месиво. Представляю, на что станет похож его парик после этого. В общем, во время разговора я с трудом сохраняю серьезный вид и заставляю себя не пялиться на его волосы.

– Чем ты там занята с де Сузой и Райдером? – выпалил Марти, разглядывая взятые мной книги.

О, это будет так приятно.

– А, попросили помочь с поиском информации по убийству, с которым они сейчас работают. Сижу там весь день. Наверное, тебя решили не беспокоить. Дело очень сложное.

– Уверен, ко мне бы тоже обратились. – Грегг и сам понимает, что не прав.

– Думаю, им нужен человек, который действительно будет работать, Мартин, а не просто травить шутки и дурачиться.

– Что ж, Мэнди, если расстегнуть пару пуговинок на твоей рубашке, ты производишь неизгладимое впечатление.

- В этом нет нужды, Мартин. Впечатление производит моя работа.

- Понятно, почему Райдер обратился к тебе. Вот вам и дискриминация. Может, мне пойти поболтать с де Сузой...

- Господи, ты что, серьезно? Представляешь, каким идиотом ты себя выставишь? Хотя... давай, вперед, я только за.

- Думаешь, должность уже у тебя в кармане? Рассекаешь тут, соблазняя по пути всех парней...

- Я никогда никого не соблазняла, Мартин.

- Кроме меня...

Его наглость поражает.

- Если нахождение в одной приемной при поступлении на учебу ты называешь соблазнением, то... пожалуй, да, так и было. Но на этом все, - с сарказмом добавляю я. - В остальном я лишь показывала свое презрительное к тебе отношение. Надеюсь, ситуация прояснилась.

Как обычно, Марти не нашелся с остроумным ответом, и я оставила его кипеть от злости. Хорошо наконец-то получить над ним превосходство.

* * *

В 17.45 юристы решают, что на сегодня хватит, и конференция заканчивается. Де Суза, как и предполагал Скайлар, предлагает пойти выпить всем... включая меня.

Хотя в ушах по-прежнему звенят слова Сайлара и завтра на работу к 7.30 утра, я соглашаюсь на один бокальчик. Такую возможность упускать нельзя. Когда я узнала, что меня не пригласили на вечеринку Рафферти, я почувствовала себя ничтожеством. И мое решение вовсе не связано с желанием пообщаться с Сидом вне конторы.

Никак нет, сэ-э-эр.

Вечер вторника, в пабе практически пусто. Де Суза всех угощает. Со мной пятеро мужчин, так что я ничего из себя не строю и соглашаюсь на бутылочное пиво – и да, пью прямо из бутылки.

Странно, но в компании председателя и самых важных юристов города я чувствую себя вполне уверенно. Мы в настоящем старинном пабе, напоминающем об окружении, в котором я выросла. Коллеги очень дружелюбны, в основном переговариваются между собой, хотя по возможности поддерживают и вежливую беседу со мной.

Сид подходит и садится рядом, я улыбаюсь, стараясь скрыть оргазмическое ощущение радости.

Мы болтаем о том о сем, даже затрагиваем тему стажерского собеседования. Сид рассказывает, что отец Марти – близкий друг ненавистного Долуса, да, связи здесь все еще работают. Теперь понятно, как Марти попал в контору.

Вскоре Сид спрашивает о моем столкновении с Клариндой.

– Слышал, ты произвела впечатление на наших женщин-барристеров?

Я смеюсь в ответ – сразу ясно, о чем идет речь.

– Ага. Значит, ты уже слышал, что случилось между мной и твоей бывшей?

– О да. Она постаралась всех известить. Кое-что приукрасила, конечно, а как же иначе. Никто не смеет перехитрить Кларинду О’Лири и выйти сухим из воды, – с усмешкой отвечает Сид. Когда он улыбается, в его глазах, вокруг которых собираются морщинки, так и хочется утонуть.

– Она и правда... очаровательна. И, должно быть, полна хороших качеств, раз ты с ней встречался, – замечаю я с надеждой, что Сид распознает сарказм в моем голосе.

- У нас все было сложно, - смеется он. - Кларинда притворялась человеком, которым на самом деле не является. Мужчины глупы и невероятно падки на подобные женские уловки.

- И почему же? - с преувеличенным интересом спрашиваю я.

- Большую часть времени мы думаем вовсе не головой, - откровенно признает Сид.

- Если верить тому, что я слышала, это как раз про тебя.

Ну молодец, Аманда, оскорбляй его и дальше. Ты просто мастер соблазна.

- Правда? И что же ты обо мне слышала? - Сид принимает серьезный вид.

- Что ты бабник, повеса, дамский угодник... мне продолжать?

- Не стоит верить всему, что говорят. Для юристов слухи - своего рода оружие. Не забывай об этом. Вообще-то я хороший парень, если узнать меня поближе.

- Seriously? Вот такого я точно не слышала.

Сид пристально смотрит на меня, словно пытаюсь разгадать. Так и вижу шестеренки, скрипящие у него в голове.

- Ты очень цинична для своего возраста. Что за мужчина так сильно ранил тебя, Аманда Бентли?

Вот так за пару секунд от дерзкой кокетливой беседы не осталось и следа.

Зачем я это ляпнула? Ты просто идиотка, Аманда.

- Постой, я догадаюсь, - продолжает Сид. - Первая любовь? Последняя? Мужчина моложе тебя? Или старше...

- Ничего из вышперечисленного. Давай сменим тему, ладно? - отрезаю я.

– Прости, Аманда, не хотел лезть не в свое дело...

– Ничего страшного. Проехали. – Я улыбаюсь. – Слушай, мне пора. Скайлар прибьет меня, если узнает, что я была здесь. До завтра.

Сид отвечает сочувственной улыбкой. Он-то прекрасно знает, как «весело» с Ричардом. Хотя мне кажется, ему сходило с рук куда больше по той простой причине, что он мужчина.

Я решаю шикануть и вызываю такси. Сегодня не до автобуса. Летим с ветерком, огни фонарей сливаются в одно большое пятно. Я размышляю о словах Сиды и обещаю самой себе забыть о них еще до приезда домой. Невозможно – Хайди не спит, сидит на диване и красит ногти в пижаме с персонажами из «Улицы Сезам». Подруга сразу понимает – что-то не так, и я выкладываю ей все про неудачное соблазнение Сиды. Она успокаивает меня крепкими обнимашками.

– Не переживай, милая. Сам виноват – полез к тебе с личными вопросами. Seriously, зачем так допытываться? – заявляет Хайди, а затем изо всех сил дует на свои ярко-алые ногти, чтобы подсушить их.

– По-моему, я погорячилась. Откуда он мог знать?

– Не-а, он пошел на риск. Весь из себя такой классный, сексуальный и барристерский. Чертов идиот.

Я улыбаюсь, хоть и чувствую себя все еще ужасно. И Хайди это знает. Мне выпал шанс впечатлить вне работы коллег, а я сбежала как ненормальная. Желая приободрить меня, Хайди предлагает сходить в магазин и закупить нам кучу сладостей и вина. Для этого ей нужно вылезти из пижамы, надеть лифчик и нормальную одежду, а на свете не так уж много людей, ради которых она готова пойти на такое.

С течением времени становится ясно, что Марти не просто специалист по налаживанию деловых связей, а настоящий злой гений. Всегда появляется в нужном месте и в нужное время. Вступает в беседу как раз в тот момент, когда получается вставить слово без лишней неловкости. А его способностям ассимилироваться в новой обстановке, то есть в конторе, просто нет равных. Годы опыта, которого он набрался в дорогих школах-интернатах, сделали Марти экспертом. Все будто попадают под действие его чар.

Марти и его наставник прямо спелись. Вечно перешучиваются, как два комика. Как дуэт первоклассных злодеев.

У нас же со Скайларом все иначе. Никаких шуточек для посвященных, никаких совместных походов в паб или другого неформального общения. Он лишь выкрикивает указания, а я сижу и бо?льшую часть времени пытаюсь понять, чего он от меня хочет.

Сегодня на слушании клиента Скайлара обвинителем выступает Долус (а значит, там будет и Марти, вот черт!). Приезжаю в контору в 7.32 и иду напрямиком в кабинет Ричарда за бумагами по делу. То, что происходит далее – недоступно для осознания разумным человеком.

Ричард слышит, как я вхожу, поднимает голову, чтобы поздороваться, однако, вместо того чтобы сказать «Доброе утро», делает застывшее в изумлении лицо, как у персонажей из мультика «Том и Джерри».

– Аманда, почему на тебе это? – слишком серьезным тоном спрашивает он.

– Что? – в смущении спрашиваю я.

– Почему на тебе такое пальто? Ты совсем меня не слушаешь?

Я осторожно осматриваю свое удобное землянично-красное зимнее пальто. Уже ноябрь, и я потратилась на обновку – придется ведь в холода таскаться с Ричардом по всему графству. Надо полагать, это было ужасной ошибкой.

– Э-э, просто красное пальто, что тут такого, – говорю я, как бы намекая, что не вижу огромной проблемы там, где ее видит Скайлар.

- Оно привлечет к тебе внимание, Аманда...

- Но...

- ...по неверным причинам.

Я едва не выпаливаю: «Покажите мне список этих ваших причин!»

- Что вы имеете в виду, Ричард? Какие выводы люди могут сделать по моему пальто? Вы беситесь, словно речь идет о чертовом «Списке Шиндлера» или вроде того!

Хм-м. Пожалуй, не стоило сравнивать ношение красного пальто с бедственным положением евреев во времена холокоста, но меня просто достала эта его таинственность.

- В любом случае, - продолжаю я в надежде, что Скайлар тут же забыл мое последнее предложение, - скажите мне честно: этот разговор состоялся бы, будь я брюнеткой?

Скайлар внимательно смотрит на меня. Он и правда задумался над моим вопросом.

- Не могу ответить с уверенностью. Однако признай, что с твоим цветом волос потребуется больше сил на самоутверждение.

Как печально. И вообще, о чем вы? Объяснитесь-ка.

- Послушай, сейчас нет времени на подобные разговоры, - говорит он, меняя тему, и швыряет мне в лицо бумаги по сегодняшнему делу. - Иди почитай, а заодно поставь чайник.

- А, ну да. Конечно.

Ну почему у нас никогда не бывает нормальных бесед?

Марти впервые за все время заявляется в контору с утра пораньше (его наставник не такой строгий, как Скайлар, и он приходит на работу не раньше 8.30). И я застаю его на кухне.

На прошлой неделе я узнала, что Грегг составил табличку, где указаны предпочтения всех работников относительно чая и кофе, так что разнос напитков ему особенно удастся. Как он вообще успевает? Видимо, стажировка под началом Долуса включает в себя поздний приход в контору, кутеж с «Командой плохих парней» и выпивку, и, только переделав все «дела» из этого списка, он вспоминает, что пора бы и постажироваться, занявшись настоящей юридической работой. Я же пашу изо всех сил, пашу так, что иногда забываю дышать.

- Мэнди... - усмехается Марти.

- Для тебя я Аманда.

- Сегодня мы будем оппонентами.

- Ну, не совсем. Точнее, совсем нет.

- Читала материалы по делу? У вашего парня нет шансов. Долус разберется с ним в течение дня, - самодовольно заявляет Грегг.

- Посмотрим, - огрызаюсь я.

Боже, надеюсь у Скайлара припасен в рукаве козырь. Не могу позволить Марти выиграть, даже если всю работу за него сделает Долус. Тем не менее я верю в Скайлара. Да, он слегка холоден, не силен в общении с людьми (особенно в разговоре один на один), однако весьма хорош в своей работе. Ричард прекрасно выступает в суде и способен выиграть дела, которые всем кажутся неприступными.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

«Топ Шоп» – британский магазин одежды, обуви и аксессуаров.

2

«Крысиная стая» – так называлась музыкально-комическая группа, лидеры которой – Фрэнк Синатра, Дин Мартин и Сэмми Дэвис – выступали в клубах Лас-Вегаса и на телевидении.

3

Солиситор – адвокат, занимающийся подготовкой судебных материалов для барристеров.

4

Джастис (англ. Justice) – в переводе «справедливость».

Купить: https://telnovel.com/ru/kuper_roksi/zakon-prityazheniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)